

ТЕХНОТЪМА

АНДРЕЙ
ЛЕВИЦКИЙ
ВОИН ПУСТОШИ

Андрей Левицкий

Воин Пустоши

Серия «Технотьма», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607915
Воин Пустоши / Андрей Левицкий: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-271-32311-9, 978-5-271-32311-9*

Аннотация

Продолжение романа «Кланы Пустоши» о приключениях Турана Джая в мире, пережившем Погибель. Туран – сын фермера, чью семью уничтожила банда атамана Макоты. Его самого пленили и продали в рабство, но он бежал и среди смертельно опасной Донной пустыни повстречался со Ставридесом, хозяином удивительного летающего термоплана.

Ставро, Туран, бродяга по имени Тим Белорус и женщина, которую все называют Макс Знаток, отправляются в глубь Донной пустыни, где, по слухам, находится нечто невероятное – машина из иного времени и пространства под названием энергион. Но атаман Макота со своими приспешниками тайно преследует их – и достигает энергиона одновременно с героями. Теперь ничто не может помешать смертельной схватке между ними.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	54
Часть вторая	68
Глава 4	68
Глава 5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Андрей Левицкий

Воин Пустоши

Часть первая

Платформа

Глава 1

Туран последним спускался к энергиону, застрявшему в гигантском разломе посреди Донной пустыни. Впереди шли его спутники. Макс спешила, спотыкалась, из-под ног сыпались камни, с сухим треском катились в пропасть. Если бы ей позволяла больная нога, женщина бы припустила бегом. Она не оглядывалась, но Туран хорошо представлял, каким огнем горят глаза Знатока. Макс посвятила жизнь поиску знаний, а сейчас перед ней находилась, возможно, самая большая тайна в ее жизни – невероятное, огромное, чудовищное скопление загадок.

Ставридес Рука-Молот старался не отставать от женщины, но великан то и дело оборачивался, кидая взгляды на «Крафт», повисший между скальным выступами выше по склону. В глазах Ставро была тревога за термоплан – может

статься, его вообще не удастся вытащить и привести в порядок. А ведь они в самом опасном районе Донной пустыни. Как выбраться отсюда без летающей машины?

Одному Белорусу все было нипочем. Обретя свободу и оружие, рыжий бродяга – и без того бодрый и подвижный – окончательно воспрянул духом. Он быстро спускался к отверстию в широком отростке, которым энергион упирался в склон. Жизнь представлялась Тиму Белорусу чередой приключений – и вот перед ним самое невероятное и опасное приключение, какое только можно вообразить!

При взгляде на него Туран вспомнил младшего брата. Мика был таким же бодрым непоседой и точно так же радовался жизни. Пожалуй, Мика мог вырасти похожим на Белоруса. Мысль кольнула сердце – а ведь они впрямь похожи! И если бы не Макота...

В разломе дул сильный холодный ветер. Когда солнце поднялось над скалами, выпуклый бок энергиона заиграл розовым и серебристым. Вблизи цель их пути казалась еще удивительней – она была непохожа ни на что, с чем Турану приходилось встречаться раньше, и рождала в его душе целый букет чувств. Но за всеми этими переживаниями маячила зловещая тень атамана Макоты. Атаман с двумя бандитами, спускавшиеся к энергиону по другой стороне разлома, уже скрылись из виду и наверняка ищут теперь вход в громаду. А значит, все они могут встретиться где-то внутри нее. Туран ждал этой встречи.

Тим Белорус первым очутился возле круглой дыры. Поверхность отростка издалека казалась гладкой и блестящей, но вблизи становились заметны крошечные трещинки и царапины. Неизвестный материал шелушился, отслаивался темными чешуйками. Белорус присел, заглядывая внутрь. Скотившиеся по склону камни перекрыли часть отверстия, но пролезть было можно.

Ставро, обогнав Макс, спустился к нему и встал рядом.

– Что там?

Тим, против обыкновения, молчал.

– Чего встал? Лезь давай. – Великан подтолкнул сидящего Белоруса коленом между лопаток. – У тебя опыт имеется.

– Какой еще опыт, борода?

– На «Крафт» мой пролез, вот и сюда пролезешь.

– На «Крафте» мне нос разбили, – напомнил Белорус, но больше спорить не стал и, вытащив пистолет из кобуры, сунулся в темный зев. За ним стал протискиваться Ставридес, потом Макс.

Туран немного задержался, оглядывая поблескивающую в рассветных лучах тушу энергиона. Вверху она была выпуклой, и увидеть бандитов не удавалось... а может, они уже внутри?

Голоса спутников доносились из круглого отверстия. Ставро включил фонарик, блеклый луч стал ощупывать выгнутые стены, выхватывая из мрака шершавую поверхность, сгорбленную спину Тима Белоруса и блестящий обод бара-

бана «хорька», который бродяга повесил за спину, решив, очевидно, что использовать гранаты в узком пространстве слишком опасно.

– Голова... – протянула Макс. – Это только у меня или вы тоже чувствуете?

Туран, хрустя осыпавшимися со скал камнями, пролез в коридор и выпрямился.

– Давит, будто тисками! – откликнулся Белорус.

Туран сперва не понял, о чем они говорят, но когда прошел немного, его тоже проняло. Неприятные ощущения нарастали с каждым шагом: голова болела все сильнее, к горлу подступила тошнота.

Впереди Макс со стоном привалилась к стене, сжимая виски. Ставро поддержал ее. В другой руке Ставридеса был пистолет. Великан ткнул Белоруса в спину:

– Вперед, скорей шагай! Может, дальше станет легче!

– Затопчи меня кабан, некуда шагать! – простонал Тим. – Башка же отвалится!

Туран приблизился к спутникам, теперь и он хорошо чувствовал, как давит на пришельцев темное нутро энергиона.

– Да скорей же ты! Вперед! – повторил Ставро. Он держался получше Белоруса, но и ему было тяжело.

Туран будто шагал против ветра, только дует не снаружи, а в голове, в груди, душу выдувает прочь – назад, к светлому пятну входа. Свет, воздух и жизнь – все осталось снаружи, а здесь человеку не место, во всяком случае, живому человеку.

– Это система защиты! – простионала Макс. – Или система опознания. Или и то, и другое. Мы здесь чужие, нас не пускают.

Белорус опустил на четвереньки и склонил голову.

– Впереди глухо, – прохрипел рыжий. – Не пройти, сами глядите!

Снова мелькнул луч света – Ставридес выпустил Макс и поднял фонарик, осветив перемычку, наглухо перекрывающую проход. Ни стыков, ни швов – мембрана, запирающая коридор, выглядела как единое целое со стенками. Ход дальше был закрыт.

* * *

Первым на округлый бок энергиона спрыгнул Макота – подошвы громко стукнули по чему-то, напоминающему металл. Присев, атаман потыкал поверхность стволом автомата – сперва осторожно, потом вдавил сильнее.

– Мягкая... – озадаченно протянул он.

– Чего, хозяин? – Дерюжка тут же оказался рядом, присел и заглянул Макоте под ноги. – Чего мягкая?

Малик встал в стороне, озираясь и вода из стороны в сторону стволом винтовки.

– Чего мягкая? – повторил молодой. – Твердая же!

Дерюжка топнул грязным башмаком, потом подпрыгнул – поверхность отозвалась гулким стуком. Это не было похо-

же на металлический лязг, однако звучало твердо и звонко, наружный слой казался прочным, неподатливым. Макота не слушал, он стучал стволом по серебристому материалу. Если нажимать понемногу – стенка поддавалась, а если ткнуть резко – делалась прочной, не хуже броневого листа.

– Не железо, а? – буркнул атаман. – Что же оно такое?

– Не железо! – с готовностью поддакнул Дерюжка. – Но твердое ведь!

– А чего же ракеты сюда стукнули? Ежели ракета на железе летит, то почему сюда полетела?

– Точно, полетела! Дырки вон какие здоровые!

Дыры с рваными излохмаченными краями слились, срослись в одну – ракеты ударили рядом. Пробоина вышла достаточно широкая, чтобы в нее без труда мог пролезть человек.

– Здоровенные, ха! – буркнул Малик. – Наоборот... Не провалилось ведь ничего особо, пролома большого нет. Омеговскому танкеру всю башню своротило, а тут только дырки. Получается – прочная очень штукавина, хотя и не железо.

Макота поковырял ногтем поверхность энергияна, отшелушилась тоненькая пластинка, похожая на чешую. Да и верно, наружный покров этой штукавины напоминал скорей шкуру животного или рыбы. Или, может, пластины панцирного волка? Какое-то оно такое... хитиновое, что ли? Броневой хитин.

– Значит, там внутри, под шкурой этой, чего-то железное есть, – заключил атаман. – И до этого нам добраться нужно.

Железное оно – стало быть, оружие или еще чего полезное. Техника какая, елетроника.

Макота засопел, поднялся и направился к пробоине. Дерюжка боком запрыгал следом – норовил оказаться перед атаманом, но и опасался получить по морде.

– Хозяин, хозяин, не надо! Опасно там, погоди! Вдруг какая ловушка, или еще чего? Вот пусть он первым! Малик, давай, лезь туда первым! Давай, ну!

Малик плюнул под ноги и медленно двинулся к пробоине. Поверхность энергиона не пружинила под ногами, он шагал, как по каменной плите, и в то же время ощущалась в этой холодной тверди некая упругость. Малик пару раз нарочно топнул подошвой, перенося вес тела на одну ногу – нет, держится крепко.

Макота с Дерюжкой догнали его, и все трое присели у рваного края. Дерюжка, нагнувшись посильнее, отшатнулся.

– Ой, чего это оно? Как-то прям шибает оттуда!

– Заткнись, молодой, – буркнул атаман. Он тоже ощутил тяжесть, исходящую из провала, и подался назад. – Муторно мне как-то, беспокойно... Однако ждать нельзя, шакаленок, небось, уже внутрь пролез.

– Давай, Малик, давай, – засуетился Дерюжка, – не хозяину же первому туда соваться, вон какое место недоброе, прямо сказать, страшное, аж в башке все узлом завязалось... А-а!!!

Макота ухватил Дерюгу за ворот и смахнул молодого в ды-

ру. Тот только и успел, что дрыгнуть конечностями в тщетной попытке зацепиться за край. Что-то хрустнуло, раздался длинный тягучий треск, крик оборвался, из дыры вырвались клубы дыма. Зеленоватые, подсвеченные снизу разноцветными вспышками. Поверхность под ногами Макоты едва заметно содрогнулась, но энергион был огромен, и даже такое легкое сотрясение отдалось гулом в скалах, между которыми он повис. Атаману показалось – не только чудовищное сооружение под ногами, но весь мир тяжело вздохнул, или даже так: на долю секунды мир исчез и потом возник снова.

Если бы Макота верил в Бога, то решил бы: сейчас Создатель моргнул... и на короткое мгновение потерял сотворенный им мир из виду. И в это мгновение мир стал другим.

* * *

Туран будто наткнулся на невидимую стену. Болезненные спазмы усилились – энергион противился чужакам, выталкивал из себя. Мозг словно мелко дрожал в черепе; Макс застонала и сползла по выгнутой стене, Ставро зашатался, огонь его фонарика заплясал вокруг. Белорус, стоящий на четвереньках с опущенной головой, раскачивался и подвывал сквозь стиснутые зубы – будто бодал невидимую стену. Туран, стиснув зубы и выронив винчестер, обхватил голову руками. Шагнул к Ставридесу. Все поплыло... А потом что-

то изменилось вокруг, и пол дрогнул под ногами.

И тут же давление на мозг исчезло – разом, рывком. Изменение оказалось настолько резким, что Белорус качнулся вперед, потерял равновесие и рухнул носом в пол. Мембрана, затянувшая проход перед рыжим бродягой, пропала – мгновенно втянулась в стены. Ставридес выронил фонарик, но темнота не наступила – на стенах появились ровные ряды светящихся кругов размером с кулак. Впереди открылся длинный коридор, через несколько десятков шагов он заканчивался проемом, за которым угадывалось обширное пространство.

– Нос... – простонал Тим. – Опять... Язвить вас всех в подмышку – опять разбили!

Туран протиснулся мимо Ставро, перешагнув вытянутые ноги Макс и встал над Белорусом, вглядываясь в нутро энергона. Тим возился на полу и что-то возмущенно бормотал, хлопая разбитым носом.

– Что там? – спросила Макс. – Нас впускают?

– И огни зажгли, – заметил Ставро. Он подал женщине руку и помог подняться. – А снаружи будто задрожало что-то... как землетрясение, ощутили? И еще я тут подумал: надолго ли проход открыт? Не закроется ли эта... эта штука-вина, когда мы будем внутри?

Макс пощупала светящееся пятно на стене. Туран обошел Белоруса, выставил перед собой винчестер и зашагал по коридору. Остальные пошли за ним. Проходя там, где раньше

коридор перекрывала мембрана, Туран мазнул ладонью по изогнутой стене, но ничего особого не ощутил. Морщины какие-то, мелкие складки... никаких свидетельств того, что недавно проход в этом месте был наглухо перекрыт.

Ставридес с Макс начали обсуждать, что за материал покрывает стены. Белорус хлюпал разбитым носом и возражал им обоим. Турана не слишком занимали вопросы устройства энергiona, он знал, что Макота рядом и что расстояние, разделяющее их, сокращается с каждым шагом. Это знание гнало его вперед.

Светлый круг, которым заканчивался тоннель, маячил впереди – там, дальше, освещение было ярче.

– Как по кишке идем, – заметил Белорус.

Туран подумал: и впрямь! Вот что напоминает материала стены – мышечную ткань, которая способна сокращаться и расслабляться. Так и вырастает мембрана на входе, как увеличивается в размерах напряженный мускул. Но это понимание возникло где-то на задворках сознания, а центральной, основной, была мысль – Макота где-то рядом.

Он достиг окончания «кишки» и осторожно выглянул – дальше был обширный зал. Вереницы светящихся пятен поднимались от плоского основания, уходили вверх – к сферическому своду. Зал опоясывали световые дорожки, полосы огоньков скрещивались, сплетались в странный узор. Свечение было неярким и мягким, оно не позволяло разглядеть помещение целиком. Хотя Туран видел, что зал не

пуст: справа громоздились какие-то незнакомые предметы, пол усеивали холмики поблескивающей мягкой субстанции, из них торчали причудливо изломанные стержни.

Туран втянул носом воздух, насыщенный незнакомыми запахами. Все здесь было непривычным, неправильным, не приспособленным для людей. И еще постоянно казалось, что кто-то глядит ему в затылок – не покидало ощущение присутствия рядом чего-то живого, огромного, темного, который с угрюмой настороженностью наблюдал за Тураном откуда-то сверху.

Туран остановился, не дойдя до середины зала. Спутники вошли следом и остановились, разглядывая помещение.

– Ну и что здесь у нас? – нарушил затянувшееся молчание Белорус.

Странно, но эха в этом обширном помещении не было, звуки таяли, растворялись в прелом сыром воздухе.

– Если коридор использовался как выход, – сказала Макс, – то здесь должно быть оборудование для вылазок. Но я не вижу ни защитных костюмов, ни аптечек, ни оружия...

– И что это означает? – буркнул Ставридес.

– Возможно, тот, кто пользовался выходом, не нуждался ни в оружии, ни в аптечках и прочем. А может, все сгнило и растаяло. Видите эти кучи на полу?

Горбы субстанции напоминали застывшее желе, мягкий свет искрился на их поверхности. Стержни, частично погруженные в блестящую массу, были белесыми, шершавыми с

виду.

Белорус присел над одной такой кучей и потрогал пальцем.

– Твердая.

Он взялся за изогнутую трубку, потянул – но она оказалась прочной и держалась крепко. Белорус запыхтел, откинулся назад, но трубка осталась на месте, а горб растекшейся массы не отлипал от пола.

– Как кость торчит, – сказал он, поглядев на спутников. – Как кость из мертвого тела.

* * *

Зеленоватый дым взлетел над матово поблескивающим круглым боком энергиона, ветерок подхватил его и понес к склону. Атаман с Маликом переглянулись.

– Вроде полегчало, а? – неуверенно спросил бывший омеговец. – Не вяжется в башке узлом?

– Да у тебя и вязаться там нечему, – буркнул атаман. – А у Дерюги тем паче.

Дым пропал, вспышки и треск внизу прекратились.

– Дерюга! – позвал Макоота, подступая в дыре. – Ты как там? Живой?

Из отверстия донеслись стоны и легкий треск.

– Живой, выходит, – заключил атаман.

– Тут я! – жалобно прозвучало снизу. – Запутался! И ды-

шать тяжело!

Малик присел над дырой, отложил ружье и лег, свесив голову вниз.

– Дерюжка, ну-ка пошевелись... А, вижу! Слышишь, хо-зьяин, тут какие-то веревки или канаты, на них молодой свалился, и мы по ним можем вниз сползти.

Макота перекинул автомат за спину, присел, свесив ноги в провал, и велел:

– Руку дай, потом сам за мной полезешь.

Спуститься в самом деле оказалось нетрудно. Вскоре они очутились под стеной большой полости неправильной формы. Стену покрывали светящиеся пятна, другая сторона тонула в темноте. Ряды светляков убегали вдаль, постепенно растворяясь во мраке. Между полом и сводом шли тонкие жилы, некоторые были натянуты туго, другие провисли. В сплетение этих штук и свалился Дерюжка. Сейчас молодой возился на полу, под ним что-то изредка вспыхивало, сыпались ворохи искр. Задетые им жилы начинали извиваться, каждое движение бандита отзывалось глухим скрежетом под полом.

– Провода, что ли? – предположил Макота. – А под полом – машины какие-то... В них-то ракета и метила, а?

– Не знаю, – сказал Малик, озираясь.

– То понятно, что ты ни мутанта не знаешь, – согласился атаман. – Это у меня логика, понял? Раз ракета в железку метит, то под нами что-то железное, машина какая, скажем,

а раз машина электрическая, то к ней провода тянутся. Логика!

Малик, пожав плечами, медленно пошел через зал, раздвигая стволом пучки жил. Дерюжка наконец выпутался и встал, но его сразу качнуло, молодой попытался удержать равновесие, засеменял, быстро перебирая ногами, споткнулся и, чтобы не упасть, ухватился за толстый жгут.

И завопил, отдернув руку:

– Ай! Жжется!

Потревоженные жилы закачались, из-под свода по ним с чавканьем покатались большие светящиеся капли. В неверном свете казалось: вся полость под броней пришла в движение. Что-то чавкало и смещалось, извивались жилы, качались тени, шатался и стонал Дерюжка... Он угодил спиной в густое сплетение, его отбросило, опять посыпались искры, Дерюжка взвыл. Споткнулся о собственное ружье и, чтобы устоять, схватился за извивающийся отросток – брызнули тяжелые капли, из-под ладоней бандита вырвался клуб дыма.

– Вот же урод! – завопил Малик и ударом кулака отбросил Дерюжку от паутины. – Не хватайся за них, ты ж нас всех угробишь!

– Хозяин! – обиженно заскулил Дерюжка. – Скажи ему!

Макота не прислушивался к перебранке подручных. Он заметил, что световые пятна на стене неподалеку складываются в подобие неправильной спирали, центр совсем рядом, а в нем – подсвеченное изнутри отверстие. Неширокое, но

если стать на четвереньки, можно пролезть. В круглой дыре что-то мерцало, перемещалось – как будто там светит фонарь и кто-то ходит взад-вперед, то и дело заслоняя источник света.

* * *

Турану хотелось отыскать Макоту – он был уверен, что старый враг где-то рядом. Атаман наверняка сумел придумать способ пробраться в энергион.

Пока Белорус пытался выдернуть белесый стержень, Ставридес с Макс обсуждали, чем могут оказаться гладкие серебристые глыбы, лежавшие большими грудями и занимавшие едва ли не четверть просторного зала. Все они были разных форм и размеров – от большущих, с одноэтажный дом, до совсем легких, не больше человеческой головы.

– Это образцы, – заявила Макс. – Если энергион – машина-разведчик, то сюда сносили образцы, упаковывали и складировали. Понимаешь? То есть серебристое – это упаковка, а под ней...

Ставро задумчиво потер переносицу.

– Если так... ну, тогда вон то похоже на дерево. А это?

– Какое-то мумифицированное животное? Мутафаг?

– Может, и так.

– Не представляю, что за зверь...

Тим Белорус с хрустом выдрал кусок стержня из вязкого

месива, не удержался и повалился на спину.

– Вот же гадство, кабан его топчи! Эй, глядите, какая штука! Знаток, для чего это может быть нужно? Какая польза от такой штуки, а? Ты ж у нас любишь все разобъяснять...

– Можешь выбросить, – откликнулась женщина. – Это старье, оно давно ни чему не пригодно. Разлезлось и сгнило. Смотри, Ставро, что там за рулоны?

Белорус досадливо покряхтел и нагнулся над новым сгустком стекловидного вещества – из этого торчал плавно изогнутый стержень, похожий на кость.

Туран посмотрел, куда показывает женщина. В самом деле – рулоны. Продолговатые свертки, такие же серебристые и гладкие, как и «глыбы».

– Упаковочный материал, – сказала Макс, нагнулась и потянула сверток за край. От движения гора рулонов зашевелилась, свертки поползли вниз, некоторые покатались. Макс отшатнулась. Белорус, обернувшийся на шум, не стал раздумывать и вскинул пистолет – ему показалось, что на спутников напали. Грохнул выстрел, другой.

– Не стреляй! – рявкнул Ставро. – Рехнулся, что ли?!

– Показалось...

Белорус начал многословно оправдываться, но бородач не слушал – он склонился над рулоном, который подстрелил Тим.

– Надо же... Макс, посмотри.

Они присели над серебристым свертком, стали шептаться

и тыкать пальцами. Туран, осматривающий зал, слышал обрывки фраз:

– Не пробил... вот сюда...

– Да... пуля... какой крепкий материал! Переверни, что с другой стороны?.. Никогда не видела!..

Макс говорила с азартом, она наслаждалась, изучая и анализируя, и казалась совершенно счастливой.

– Интересно, как его крепить?..

– Смотри, нижний слой липкий...

Белорусу надоело возиться с неподатливой «костью», и он позвал:

– Эй, борода! Если здесь эти самые образцы, которые у входа сваливают, значит, не очень-то их ценят, а? Думаю, если мы пройдем дальше, отыщем что поинтересней. Ну так и чего ж мы в прихожей топчемся? Попали в такое удивительное место – и до сих пор у самых дверей!

– погоди, – с досадой отмахнулась Макс, – мы еще здесь не разобрались.

– Да чего тут разбираться... Сама говоришь, все сгнило и пропало. Ну, чего там расселись? Идем! А то баба серебристую тряпку увидела, известное дело... Бабам – тряпки! А нас там добыча ждет!

Рыжий указал в глубину зала обломком белесого стержня, выдернутого из пола. Узоры световых пятен скручивались на стене в подобие спирали. В центре ее была круглая дыра.

– Вон! Туда идем!

Ставридес отложил серебристый рулон и выпрямился.

– Белорус, будь повежливей со Знатоком. Если я не вышвырнул тебя с «Крафта», это вовсе не означает, что ты принят в команду.

– Да брось, борода! Я вам нужен, ну? Так что бросайте тряпки, и вперед!

– Там может быть Макота, – добавил Туран. – Идем.

Он первым направился к световому узору.

* * *

По другую сторону круглого отверстия находился большой зал. Ряды световых пятен расходились по стенам и своду, мерцали и переливались, отблески накладывались, сливались, порождая игру теней. Жил здесь не было, зато полусеивали сгустки застывшей массы, темные и серебристые вперемешку. Стоящий на четвереньках Макота подался назад и приказал:

– Малик, вперед. Оглядишься там.

Бандит с неохотой сунулся в отверстие и замер, прислушиваясь. Позади стонал и причитал Дерюжка. Отыскав под ногами брошенное оружие, он побрел к спутникам – его по-прежнему шатало, он задевал провисшие жгуты, передвижение его сопровождалось шорохами и влажным чавканьем.

– Да тише ты! Стой на месте! – прошипел Малик, оглянувшись. – Ни некроза не слышать!

– Ты лезь давай. – Макота ногой пихнул его под зад.

Малик вздохнул, подался назад – и головой бросился в дыру. Упал на живот, перекатился и замер, подняв оружие. Макота, потеряв подручного из виду, тоже замер. Вскоре Малик объявил:

– Никого здесь. И тихо.

Тогда атаман пролез за ним. Оказавшись с другой стороны, вскочил и прыгнул в сторону, выставив перед собой автомат.

Малик оказался прав – в большом зале было тихо и пусто. Светящиеся пятна усеивали стены, благодаря ним можно было понять, что он овальной формы. Стены сначала шли вертикально, а потом плавно изгибались, но свод терялся в темноте и невозможно было понять, плоский он или скругленный. Слева по стене шел ряд плоских гладких кругов, похожих на черные зеркала.

– Дерюга, ползи сюда! – позвал атаман и пошел вдоль стены, разглядывая черные круги, утопленные в нее. Перед одним остановился, ткнул в него автоматом, затем потрогал пальцем, попытался ковырнуть ногтем. Поцарапать твердую поверхность или отломить кусочек не вышло, и он достал стилет, ударил им в место, где зеркало – хотя какое там зеркало, оно ведь не отражает ничего толком! – и стена.

В стороне чавкнуло, распахнулось круглое оконце с глаз величиной, оттуда полилось прозрачное вещество и залепило место укола. Макота с руганью отшатнулся. Собравшись с

духом, снова ткнул острием, но уже с большего расстояния, вытянув руку. Похожее на сопло отверстие снова раскрылось и снова брызнуло прозрачным.

Дерюжка, все еще причитая вполголоса, пролез на карачках в зал. Ружье волочилось за ним на ремне, приклад мягко постукивал по полу. Оказавшись внутри, молодой встал, подтянул оружие и сделал несколько шагов. Его до сих пор качало. Ноги Дерюжки заплелись, он споткнулся о приклад и засеменил вбок, подняв перед собой руку, будто шел на ощупь.

Макота продолжал экспериментировать. Когда он ткнул в стену особенно сильно, распахнулось сразу три отверстия, упругие струи прозрачной субстанции брызнули в разные стороны, несколько капель угодили на куртку атамана, он отшатнулся и пихнул спиной Дерюжку, который, шатаясь, бродил по залу. Молодой отлетел и врезался в стену. Под его ладонью звонко щелкнуло, сыпанули искры.

– Ай! Хозяин, что-то в стене это! Укололо меня!

По залу прокатилась волна звуков: треск, шипение, хлопьяющие вздохи. Малик присел, озираясь, Атаман ошарашенно крутил головой. На самом деле ничего не происходило – стены оставались неподвижны, вереницы огоньков по-прежнему мерцали на них... Но внутри стен что-то происходило – будто великан проснулся и разминал невидимые суставы. В центральном черном «зеркале» вспыхнула серебристая звездочка, стала расти, разворачиваясь. Осветилась вся круглая

плоскость, на ней проступили контуры, сперва блеклые, потом – все ярче, отчетливей. Вслед за первым ожили остальные круги. На стене их было девять, и на всех появились изображения.

Центральный показал плоскую долину. Деревья с аккуратными круглыми кронами выстроились рядами вдоль идеально прямой реки. Трава была одинаковой высоты, волны катились по речной поверхности через выверенно точные промежутки.

На соседних «зеркала» симметрии было поменьше. На том, что слева, река извивалась причудливыми петлями, на правом деревья росли группами, кое-где между ними виднелся клочковатый кустарник. Чем дальше от центрального экрана, тем больше было холмов и низин, тем сильнее менялась высота деревьев и разнообразней была их порода. На крайнем слева часть местности оказалась заболочена, река терялась среди поросших бурой тиной островков, на заднем плане поднимались заросли осоки, за ними была водная поверхность, налетали порывы ветра, осока шевелилась и склонялась волнами. В правом «зеркале» была пустыня, отдаленно напоминающая Донную, только без иловой корки. Сплошной песок, громадные рыжие горбы из песка – и больше ничего.

– Это что такое, хозяин? – подал голос Дерюжка. – Картинки какие-то... живые, а? Шевелится там...

Макота молча разглядывал изображения. В «зеркала»

дул ветер, шевелил кроны деревьев, перекатывались волны, над дюнами поднимались облака песка... чужие миры жили своей жизнью.

Вдруг картинки пришли в движение, начали отползать. В центральном окне выверенный до последнего листика на дереве сад стал удаляться, река оказалась не ровной, а изогнутой, чем дальше, тем сильнее кривизна, вот голубая лента завилась в кольцо, потом из ленты превратилась в нитку, а кольцо оказалось частью спирали. Светло-зеленая трава и ряды круглых крон слились в единый равномерный фон, оказались идеально круглым зеленым пятном среди голубого. Показались другие зеленые круги на голубом – и точно так же они были расчерчены спиралями рек. Наконец весь мир в окошке приобрел круглую форму. Он был окружен чернотой и весь состоял из кругов и спиралей, расположенных в правильном порядке.

Макота наблюдал, как меняется изображение, и размышлял, что все очень, конечно, очень чудно – но толку с этих чудес никакого, красивые картинки с собой не забрать, из стены их не выколупаешь никак... А если бы и забрать – ну какая от них польза? Тем временем соседние «зеркала» тоже менялись, пейзажи на них не отличались симметричным расположением пятен, но и они стянулись в круги, окруженные черной пустотой.

– Некроз меня возьми! – вдруг выкрикнул Малик. – Вот он, наш мир до Погибели! Точно такой!

Атаман оглянулся – Малик застыл перед третьей слева картинкой, показывая на нее пальцем. Там преобладали синие тона, а среди них – зеленовато-коричневые вытянутые пятна.

– Откуда ты можешь знать? – заспорил Дерюжка. – Не верь ему, хозяин! Врет он, сам только что придумал.

Дерюжка направился к стене с «зеркалами», ружье волочило за ним на ремне, приклад дребезжал по полу. Макота лениво отвесил ему подзатыльник – не сильно, а для порядка, чтобы пасть особо не разевал.

– Дурак ты, молодой, – отрезал Малик. – Нам в Замке показывали. Вот таким все было до гибели. Синее – то море-океан. Вода там, как в Соленом озере у Корабля, а среди воды суша-твердь. То есть разные тверди, какие поменьше, а какие здоровенные были.

– Ха, скажешь тоже! Откуда столько воды возьмется? Врешь! И потом, почему оно круглое, как арбуз?

– Потому что мир круглый. А ты думал, как все устроено?

– А очень даже просто! Пустошь есть, в ней дороги и города старые, с одного боку Москва, еще есть Вертикальный город, он на самом краю мира, а может, и нет его совсем, потому что так далеко никто не ходил! И дальше Москвы тоже не ходил! А с другой стороны – Киев, гора Крым, Донная пустыня, и там дальше опять ничего нет, потому что и туда никто не ходил! Очень даже просто, вот как!

– Как же это – нет ничего? Есть там разное всякое... про-

сто страшное очень, вот и не ходит никто. Это наш мир, какой до Погибели был. И воды было много, море-океан – он громадный!

Дерюжка притих, подтянул ружье за ремень, оперся на ствол и задумался. Он заворожено глядел, как проворачивается в черной пустоте голубой шар, проплывают разноцветные пятна.

Картинка в этом «зеркале» снова стала меняться – сглаживались контуры суши, приобретали правильные округлые очертания, голубое отступало, море-океан сжимался, съеживался...

Дерюжка протяжно вздохнул:

– Крутит... Неужто оно и есть Погибель, вот это, что нам сейчас показывает? когда весь мир так... сглаживается? Да что ж такое эта Погибель была?!

– Ладно, хватит торчать тут, – решил Макота.

– Но, хозяин...

– Идем, я сказал! Мы сюда за чем пришли? За машинами, за елетроникой и всякими нужными штуками! Нужно вниз, под пол забраться, там железо есть, и елетроника там. Хорош на картинки пялиться. Малик, слышь, проверь, что это там за дыра.

На дальней стене цепочки светящихся пятен свивались в знакомый узор, и центр спирали очерчивал овальное отверстие выше человеческого роста, да притом широкое – настоящая дверь. Малик, стряхнув оцепенение, поспешил к про-

ему, встал рядом. Макота остановился по другую сторону, кивнул. Бывший солдат заглянул и сразу отпрянул. Не задумываясь, просто механически. Потом заглянул снова – значит, ничего подозрительного не обнаружил.

– И че там? – Макоте уже было невтерпех, он хотел идти дальше.

– Навроде коридора, круглое все.

Атаман тоже заглянул – изогнутый проход с покатым сводом, ряды световых пятен, на полу лужи.

– Ну вот, значит, давай, иди. Где-то там шакаленок... чую я, он тоже нас ищет. Так что шагай с оглядкой.

– А Дерюга?

Атаман с сомнением оглянулся. Дерюжка застыл перед живой картиной и пялился на нее, разинув рот. На роже – дурацкая улыбка. После падения он так и не опомнился, сделался как пришибленный.

– От этого дурня сейчас толку не будет, – рассудил Макота. – Или первым его пустить? Да не, он шумит слишком, а нам чтоб тихо нужно. Эй, Дерюга! Слышь! Иди за нами, только не близко.

– Ладно, – невнятно откликнулся молодой.

– Не ладно, а на расстоянии топай, бо шуму от тебя, как от маниса на случке!

Атаман с Маликом прошли в коридор, а Дерюжка замороженно разглядывал «зеркало». Он так увлекся, что не услышал, как из полости с жилами в зал заглянул Крючок, как

пролез в отверстие, выпрямился...

Крючок шагал осторожно, держась позади застывшего бандита. Приблизился к нему, часто поглядывая на проем, в котором скрылись остальные двое. Поднял пистолет. Прицелился в затылок Дерюжке, но не выстрелил. Подумав, перевернул оружие в ладони и ударил Дерюгу рукоятью. Колени бандита подломились, и он беззвучно осел на пол.

Глава 2

Туран оказался в новом коридоре, похожем на кишку. Все те же бурые стены и цепочки световых пятен, скупо озарявшие закругленный свод. Коридор плавно изгибался, Тим Белорус шагал позади и разглагольствовал:

– Дальше двигаться нужно, не стоять на месте. Конечно, эта штукавина в разломе давно висит, но кто знает, сколько она еще продержится? Может, только и ждала, пока старина Белорус внутрь залезет, чтобы сорваться? Значит, что? Значит, нужно поскорей забраться в самую середину и поискать там, а не топтаться над всякой ерундой. Впереди, конечно, ждут находки нас поинтересней, иначе и быть не может! Занятное местечко, я такого прежде не видал, язвить меня в подмышку!

Макс и Ставро отстали, их шагов было не слышать, может, они до сих пор разглядывают серебристые свертки?

Свет впереди померк.

– Стой! – сказал Туран.

Белорус оборвал болтовню на полуслове и замер, занеся ногу для следующего шага. Медленно-медленно опустил ее.

Туран сделал еще несколько шагов, разглядывая проход впереди. Он не видел ничего определенного, хотя заметил, что свет там сделался тусклее. Что-то там было не в порядке, не так... До сих пор внутреннее устройство энергиона отли-

чалось аккуратным однообразием, цепочки фосфоресцирующих пятен давали равномерное освещение. Если коридор впереди темнее – значит, кто-то в том месте стоит, заслонив часть этих необычных светильников?

– Что там? – едва слышно прошептал рыжий.

– Не знаю, – тихо отозвался Туран. – Не разберу пока...

Белорус коснулся его плеча, и когда Туран оглянулся, сделал жест: посторонись. Стараясь не шуметь, Тим стянул с плеча «хорек», отдал ему, прошел мимо, пригнулся и нырнул за поворотом. Донесся шорох, звук падения...

– Давай, парень, сюда. На сей раз обошлось, будем говорить, без нашего участия. Всегда бы так!

Туран догнал рыжего, и тот посторонился. На полу вытянулся скелет, похожий на человеческий, с остатками снаряжения – ключья синеватой ткани и части серебристых ремешков. Рядом с костями вытянутой руки лежал черный стержень в три пальца толщиной, с одной стороны раструб, с другой – утолщение, вроде покатой толстой колбы, заключенной в сетчатый кожух. Колба поблескивала серебром. Поверхность стержня была матовой, однородной – ни кнопок, ни рычагов.

– Оружие? – предположил Белорус и поднял черную трубку. С шорохом откатились высохшие фаланги пальцев.

Туран огляделся. Над мертвецом, прямо под сводом, стена вспучивалась, будто ее выдавили наружу. Там не горели световые пятна, дорожка их была нарушена – вот и причи-

на смены освещенности. Казалось, что материал стены под воздействием какой-то чудовищной силы пузырем изогнулся наружу, а после стенки снова опали; можно было разглядеть старые трещины, из которых вытекла и застыла смолянистая темная масса. На полу, как раз напротив вспученного пузыря, оболочка «кишки» также имела повреждения – несколько давно затянувшихся отверстий, которые можно было разглядеть, только если внимательно присмотреться.

Белорус молча указал на вздутие под сводом, потом провел пальцем линию вниз. Туран кивнул. Конечно, повреждения как-то связаны, то есть причиной их послужило одно и то же событие.

Раздались шаги, к ним подошли прихрамывающая Макс и Ставро, и Туран с Белорусом прошли вперед, чтобы они могли осмотреть находку. Знаток сразу присела над костями.

– Вы ничего здесь не трогали?

Белорус показал ей черную трубку с раструбом и сетчатый кожухом.

– Как она лежала? В руке? Ты уверен, что именно так? Не надо было хватать! Очень важно определить, что здесь произошло, расположение предметов и поза мертвеца могут многое рассказать. Вот так лежало? Раструбом туда, а сетчатой частью назад? Отдай мне!

– Вот еще, это я нашел! – возмутился Белорус. – Кто нашел, того и штуковина!

– Отдай ей! – потребовал Ставро.

Тим подчинился, всем своим видом показывая недовольство.

– На, забирай, тебе на кухне пригодится, кашу помешивать. Идем, что ли, парень? Пока они тут будут кухонный разговор вести, мы еще много успеем осмотреть!

Макс, вопреки собственному требованию не трогать кости, стала их переворачивать, сдвинула хребет, тазовую часть и вытащила остатки поясного ремня, на котором болтались плоские пакеты – вроде подсумков, но серебристые, наподобие упаковочных рулонов из первого зала. Находки женщина сложила перед собой.

– Ну, ты видел! – Белорус задыхался от возмущения. – Все себе тянет, как ползун в холмовейник! Мне – не трогать, а сама! Идем, идем! Затопчи меня кабан, если я еще раз бабу послушаюсь! Вот ей-ей, ничего больше не отдам. Я рискую, я первым иду, все опасности старику Белорусу, а взамен – что? Идем, парень!

– Нет, держаться нужно вместе! – прикрикнул сзади Старидес. – Подождите нас! Макс, что ты можешь сказать об этих вещах?

– Ну... – Женщина, стоя на коленях перед потревоженными останками, задумалась, потирая переносицу. Трофеи она сложила на пол перед собой. – Череп удлиненный, хотя напоминает человеческий. Вероятно, перед нами один из хозяев этого... этого места. Если предположить, что мы были в камере для образцов... Потом поступил сигнал тревоги...

– Скажи, это точно человек? – перебил Туран. Он силился представить себе того, кто жил здесь, ходил по коридорам-кишкам, освещенным цепочками огней.

Этот некто, напоминающий человека, охотился и собирал растения, упаковывал в серебристую пуленепробиваемую пленку. Для чего? К чему он стремился, чего хотел, для чего жил?

– Если и есть отличия от человека, то незначительные, – продолжала Макс. – Так вот... Он находился в передней камере, возможно, упаковывал образцы в такую ткань, – Знаток подняла серебристую сумочку с пояса мертвеца. – Во всяком случае, это было бы логично. Мы со Ставро нашли наполовину запакованный скелет зверя, что-то вроде пустынного шакала, но крупней. Допустим, этот... этот *чужак* не закончил работу, покинул зал с образцами и побежал... Почему? Была тревога, энергион потерял управление, либо получил повреждение, или... в общем, была тревога. Он побежал по коридору. И здесь что-то произошло. Возможно, удар о скалы застал беглеца именно в этом месте. Он упал. При падении его инструмент сработал, на стенах – следствие этого. Меня удивляет вот что: повреждения с двух сторон, под потолком справа и у самого пола слева. Трудно представить себе инструмент, результат работы которого направлен в противоположных направлениях одновременно.

– А я тебе скажу, – Белорус расправил плечи, – потому что инструмент – дело мужское. Значит, так, если ты бьешь, к

примеру, молотком, в другую сторону он отскакивает. Ясно?
– Белорус... – начал Ставро.

Макс остановила его жестом, задумчиво глядя на рыжего.

– Отдача? Хм... Не исключено. Хотя возможен другой вариант – компенсация основной функции, побочный эффект. Пока что больше не могу сказать, нужно все осмотреть и обдумать.

– Ну так и давай сперва все здесь осмотрим, а уж потом будешь обдумывать, пока мозги не спекутся. Или я тебе просто снова все объясню, как сейчас. Раз этот парень, как ты говоришь, торопился по коридору, – Тим пнул череп, – то что ж мы здесь делаем? Вот какой у меня вопрос имеется. Нам тоже туда торопиться нужно, куда он спешил!

– Ладно, идем, – согласился Ставридес. – Но держись рядом, понял? Я не хочу, чтобы ты отколол что-то, что будет стоить кому-нибудь жизни.

Дальше они шагали тесной группой, Белорус с Тураном – впереди. Женщина хромала все сильнее, и бородач предложил понести трофеи, но она отказалась. Знаток упорно не выпускала из рук длинный черный инструмент и пояс мертвеца. Несколько раз по пути встречались промежутки в цепочках огоньков справа и слева. Макс объяснила: это двери – мембраны наподобие той, что запирала вход. Что за дверями – непонятно, как их открыть – тоже. Белорус попытался нащупать хоть что-то на стене, там, где отсутствовали световые пятна, но бесполезно. Может, они открывались толь-

ко изнутри. Оставалось двигаться в прежнем направлении вдоль коридора... Наконец показался проем – вход в новое помещение. Макс отстала, Ставридес держался рядом с женщиной и, завидев проем, окликнул Турана:

– Тур, присматривай за ржым! Ничего без нас не трогать.

Туран за плечо придержал спутника, чтобы остальные двое догнали их. Белорус ухмыльнулся:

– Опять? Вот, значит, как, я повсюду первым лезь, а трогать что-нибудь – запрещается! Не по-товарищески выходит, борода! Может, тогда сам первым пойдешь? А я уж как-нибудь сзади тебя прикрою, а?

– Войдем вместе, – пожал плечами Ставридес.

Туран посторонился, пропуская его. Бородач кивнул Белорусу, и они разом шагнули в зал. Отпрянули в стороны – и тут же раздались выстрелы. Туран бросился за спутниками с винчестером наперевес. Влетая в зал, услышал крик Тима:

– Куда палишь, борода! Патроны побереги!

Слева вдоль стены висели мешки – просвечивающие насквозь, будто шкуры ползунов, наполненные чистой водой... даже еще более прозрачные. Большие, каждый вдвое выше Ставридеса, и в некоторых застыли люди... Люди? Туран выпрямился, разглядывая силуэты в прозрачных коконах. Длинные тощие существа висели в прозрачной субстанции, их удлинённые высоколобые лица были отрешенными. Светлые глаза пялились в пространство, ноги слегка согнуты в коленях, руки покоятся на бедрах, удивительно белые воло-

сы аккуратными прядями спадают на плечи. . . Ни улыбок, ни гримас боли – абсолютное спокойствие на лицах.

– Ну и чего стрелял, Ставро? – ухмыляясь, спросил Белорус.

– Думал, медузы, – великан был смущен. – Видел в здешних местах таких тварей? Они обволакивают добычу и медленно переваривают. Пока кислота не начала действовать, выглядит примерно вот так же.

Туран пошел вдоль ряда коконов с беловолосыми существами. Они были одеты в серебристые, синие и черные костюмы, у некоторых к поясам привешены плоские сумки или кошельки, напоминающие находку из коридора. От странных приспособлений веяло холодом, воздух в этом зале был более влажным, чем в «кишке», и здесь непривычно пахло.

– Это их способ переносить перегрузки, – прозвучал за спиной голос Знатока. Женщина, приковыляв в зал, остановилась перед беловолосым в первом коконе. Подняла руку, но так и не решилась прикоснуться к гладкой поверхности. – Они занимают эти камеры, когда энергionу грозит опасность. Наш приятель из коридора бежал сюда, но не успел.

На другом конце зала Туран увидел, что один из беловолосых не успел занять место в защитном коконе – он по пояс погрузился в прозрачную массу, но торс остался снаружи. Ноги до края кокона сохранились отлично, а дальше – скелет. Виден был срез, внутренности, белые ребра. . . Туран

отступил на шаг – страшновато выглядит разрезанный человек. Череп лежал на полу, на нем было устройство вроде шлема с широкими круглыми нашлепками на ушах. Рука вытянута, в костяшках пальцев – темный предмет округлой формы. Черный, с поперечными рубчатыми кольцами, отдаленно напоминающий проектор, тот, что Знаток раздобыла для Ставридеса. Не успевший занять место в спасательной камере чужак свалился между прозрачными мешками, из зала его было не видно, пока не подойдешь вплотную.

Рядом негромко охнул Тим. Туран оглянулся – рыжий пытался просунуть ладонь в прозрачный кокон с заключенным внутри обитателем энергиона. Из-под пальцев сыпали искры, Белорус ругался, шипел сквозь стиснутые зубы, потом потянулся за ножом. Перехватил взгляд Турана.

– Э, парень! Да ты нашел кое-что поинтересней! Сейчас... Я...

Белорус оставил попытки проникнуть в пузырь и устремился к нему. Но прежде, чем он протянул руку к овальному прибору, рядом оказалась Макс. Хромота не помешала женщине первой завладеть трофеем – Знаток выскользнула из-за спины Турана, присела над скелетом, и прибор оказался в ее руке. Белорус только ахнул восхищенно.

– Шустрая! Слушай, парень, я вижу, мне здесь ничего не обломится. А старина Белорус не для того идет первым в огонь, чтобы возвратиться с пустыми руками.

Ставридес склонился над останками, и они с Макс приня-

лись шептаться – обсуждали находку.

Рыжий отступил от них.

– Нет, ты видал этот наглый грабеж? Это ж ты нашел! А она... ишь, загребущие руки какие! Поглядишь – маленькие, пальчики тонкие, кажется, в такой горсти и пара монет не удержится, а она весь мир способна заграбастать этими пальчиками!

Рассуждая, Белорус потихоньку пятился. Оказавшись рядом с Тураном, он заговорщически подмигнул и прошептал:

– Парень, слушай меня, я дело говорю. Давай следующий зал проверим без нашей красавицы? Ты и я, подстрахуем друг друга, если что. Ведь уйду же с пустыми руками! С пустыми руками из такого богатого места! Что скажешь, согласен?

Туран коротко кивнул. В другой ситуации он, может, и не стал бы сговариваться с болтливym пронырливym типом за спиной Ставро, но Макота был совсем рядом. И Белорус вдруг снова напомнил Турану брата. Мика точно так же лез навстречу всему новому. Окажись он здесь, обязательно сбежал бы от остальных.

Они отошли от увлеченно спорящих спутников и направились к дверному проему, окруженному, как и предыдущие, светящейся спиралью. Белорус первым нырнул в следующий коридор, Туран последовал за ним. Эта галерея ничем не отличалась от предыдущих – те же округлые очертания и равномерное приглушенное освещение.

– Ты, парень, не подумай, будто я что-то такое замышляю, – тихо заговорил Белорус, – но ведь неправильно, чтобы тот, кто первым голову в капкан сует, в итоге оставался без награды. Здесь такое место, что есть немалый шанс подохнуть, но и добычу взять можно! Одно без другого не получается, так наша жизнь устроена, где риск – там и награда. Награда – это то, что положено храброму мужчине! А баба эта... я против нее ничего не имею, бабам полагается быть жадными. Вот я не жадный, нет. Но и мне ж что-то причитается, так? И тебе, само собой, тоже!

Всей этой болтовней рыжий сам себя раззадорил. Туран по привычке помалкивал, и Белорус, должно быть, расценивал молчание как согласие. Он так разошелся, что даже выпалил:

Среди опасностей и бурь
Шагает Белорус.
Из всех врагов он выбьет дурь,
Поскольку он не трус!

– Ты чего, стихи сочиняешь? – удивился Туран. Он прежде не встречал людей, которые умеют говорить так складно.

– Я, парень, все умею, за что монету можно получить.

– Что, за стихи платят?

– А то! Я, когда со службы, будем говорить, ушел, чего только ни перепробовал... И занесло меня как-то в поселок

шахтерский. Сам поселок – так, ерунда, десятка два хибар, потому что шахта бедная, и работы там не густо было. Ну вот, туда мужик один как раз заехал, так он стишки сочинял, песенки, на гитаре бренчал – ну и кормили-поили его за это. Поселок бедный, лишних монет не водилось ни у кого, однако наливали мужику, за то что народ веселил. Он, как в раж войдет, так в драку всегда потом лез. «Я, – кричал, – бард! Вы ничего в искусстве не смыслите!» А я так подумал: чем бард этот меня лучше? Да ничем, я тоже могу! Стал, значит, придумывать. Забрался там, значит, на сцену в кнайпе – да как выдал им балладу! Ну, это я ее так называю...

– И много стихами заработал?

– Много, не много... Шахта вскоре закрылась, какие-то твари завелись, работать стало опасно. И куда же из поселка податься? Одному, через пустоши? А тут и караван, торговцы проезжали, так меня взяли с собой – говорят, хоть до самого Киева езжай, кормить-поить станем, только стишки сказывай на каждой ночевке. Ну я и стал дальше сочинять. Про торговца, который хозяин каравана был, про его подручных... всем нравилось. А когда я не на службе, тогда про себя сочиняю:

Тим отправляется в полет,
И горе – не беда!
Поскольку в путь его ведет
Счастливая звезда!

Туран молча шел следом.

– О, пришли, – бросил Белорус. – Давай за мной, только не спеши палить во все подряд, лады? А то бородач твой... Привык кулаками на Арене махать.

* * *

Этот коридор оказался совсем коротким – меньше трех десятков шагов. Малик шел первым, Макота немного отстал. У дверного проема оба остановились. Шуметь они не решались – мало ли, кто там, в следующем зале? Или не кто, а что там? Макота дал знак идти дальше, бывший омеговец прижался к стене, быстро выглянул в проем, отпрянул и прошептал:

– Хозяин, там кто-то стоит.

Макота махнул рукой и заглянул сам. В центре просторного зала маячила человеческая фигура – кто-то стоял спиной ко входу, за которым притаились бандиты. Стоял и не шевелился.

Атаман отдал Малику автомат и, пригнувшись, скользнул внутрь. Бандит наблюдал из коридора, удерживая незнакомца на прицеле. Макота, осторожно ступая, приблизился к чужаку и приготовил нож. Раз этот болван позволяет подкрасться сзади, лучше не шуметь. Зал был пуст – никого, за исключением одинокой фигуры в центре. Незнакомца в странной одежде надо было убить, не поднимая шума, пока

он стоит, отвернувшись. Рослый парень, на голову выше атамана, белые волосы рассыпались по плечам. Правая рука согнута в локте и чуть приподнята, в ней зажато что-то темное. Левую чужак держал перед собой, и есть ли в ней оружие, атаман не видел.

Приблизившись, Макота ударил незнакомца ножом под лопатку. Сыпанули бледные искры... нож так и не достиг темной безрукавки, надетой на чужаке – острие как по железу скользнуло. Макота пригнулся, готовясь отпрыгнуть, уходя с линии огня Малика. Но противник не шелохнулся, и атаман замер. Потом, сообразив, что к чему, распрямил спину. Медленно обошел неподвижную фигуру, заглянул в лицо. Ухмыльнулся, ткнул в него пальцем. Вот, значит, как...

– Малик! Иди сюда, не бойсь, не укусит!

Бандит приблизился и неуверенно обошел фигуру в центре зала. Макота ухмыльнулся. Дворец, в котором атаман обитал с недавних пор, когда-то, до Погибели, был большой лавкой, торговали там и одежей. Во всяком случае, так утверждал лекарь Карл. И чтобы покупатели могли разглядеть обновки как следует – шмотки напяливали на такие вот чучела. Несколько штук до сих пор пылились в подвалах Дворца, иногда парни Макоты использовали их для развлечений – пострелять, ножи пошвырять в цель на спор... Карл называл истуканов диковинным словом «манекен», и этот вот болван был как раз таким манекеном, выполненным в виде длиннолицего человека с длинными белыми волосами,

в диковинном снаряжении.

– Что, струхнул, Малик? Слышь, это ж чучело! Во, как я его...

Атаман ткнул манекен ножом в грудь. Снова вспышка – нож отскочил, не повредив истукану. Макота чуток попятилась и случайно вступил в черное кольцо, нарисованное на полу перед манекеном. Тот с легким жужжанием пришел в движение, по куртке и вдоль конечностей пробежали огоньки, руки поднялись, манекен пригнулся и принял боевую стойку. Из рукояти, зажатой в правой руке, выскочил серебристый стержень с узкой продольной щелью. С легким гудением на конце стержня вспыхнула ярко-синяя звездочка, и вокруг рукояти развернулся стремительно вращающийся световой круг.

Макота, отшатнувшись, вышел из черного кольца – и статуя замерла. Атаман снова ухмыльнулся. Этот зал ему нравился!

– Хозяин, а ведь оружие у него в лапе? – спросил Малик.

– Оружие, – подтвердил атаман. – И теперь оно мое. А ты осмотришь пока. Че это там за свертки серебряные у стены?

В углу громоздились аккуратными рядами рулоны серебристой ткани, и Малик направился туда, а Макота, избегая черного кольца, подступил к манекену и стал изучать снаряжение – жилет, от которого по рукам и ногам статуи струились узкие ленты, и похожую на кастет рукоять в правой ладони. Атаман уже догадался, что означают эти ленты, кре-

пящиеся эластичными браслетами у локтей, коленей и заканчивающиеся на лодыжках и запястьях статуи. На жилете он обнаружил несколько кругляшей, отличающихся по цвету. Попробовал прикоснуться – не удалось, костюм защищал владельца, но к одному кругляшу, расположенному под мышкой справа, он дотронуться позволил. Макоте удалось повернуть кругляш, после чего браслеты на конечностях манекена раскрылись, а невидимый защитный слой исчез. С довольным видом атаман стащил с истукана жилет и тут же принялся напяливать на себя.

Пока он сопел, возясь с пряжками браслетов, Малик осмотрел зал и встал перед грудой серебристых свертков. И вдруг насторожился, поднял голову.

– Хозяин, ты слышал?

Раскрасневшийся Макота возился с застежками на лодыжках.

– Не-а. Че такое?

– Да вроде стреляли неподалеку.

Они переглянулись, и атаман скомандовал:

– Так, к двери давай! И тихо!

Бандиты встали по сторонам от прохода, расположенного напротив того, через который они проникли в зал. Вскоре до них долетели обрывки разговора. Говорил один человек – похоже, беседовал сам с собой. Атаман жестом велел Малику напасть первому, но не стрелять. Бывший омеговец отставил ружье, пригнулся, готовясь прыгнуть.

Голос стал громче, и они услышали:

Мужик – он в путь всегда спешит,
Скучать ему не след,
А баба дома пусть сидит
И варит там обед!

* * *

Перед проемом Белорус смолк и осторожно заглянул в зал. Первое, что бросилось ему в глаза – высокая беловолосая фигура посередине. Тим замер, хлопая глазами, этого и ждал Малик. Он схватил рыжего за горло и рванул на себя, одновременно мертвой хваткой вцепившись в запястье руки, сжимающей пистолет. Тим захрипел, Макота ударил его прикладом автомата по темени и тут заметил стоящего дальше Турана, вскинувшего винчестер. Атаман дернулся, и удар вышел неудачным – вместо того, чтобы вырубить рыжего, лишь оглушил, приклад прошел вскользь. Туран выстрелил, Макота вскинул руки, прикрывая голову – привычка, выработавшаяся после долгого ношения куртки с панцирными пластинами. От пули, выпущенной из винчестера почти в упор, куртка вряд ли могла защитить, но сейчас выстрел лишь отбросил Макоту назад. На груди атамана плеснулся зеленый свет. Туран шагнул вперед и снова выстрелил.

Растерялись все четверо – Белорус не был готов к нападению, Макота с Маликом не ждали, что противников окажется двое, а Туран никак не рассчитывал, что выстрел на таком расстоянии не свалит врага. Он выстрелил еще дважды – Макота вздрагивал всем телом, шатался, но не падал. Он не решался опустить руки, которыми прикрывал голову, омеговский автомат болтался на ремне. Туран шагал и стрелял, Макота шатался... Полузадушенный Белорус хрипел и ворочался, Малик не выпускал его запястья и горла.

Туран прыгнул, с размаху опустив приклад винчестера на скрещенные руки Макоты. Зеленая вспышка ослепила его, атаман повалился на спину, увлекая противника за собой. В падении он согнул колени и ударом в живот сбросил Турана с себя.

Наполовину оглушенный Белорус сумел придавить спусковой крючок. Пуля вжикнула прямо у виска встающего Турана, и он выронил винчестер. Малик опрокинул Тима на пол, поставил колено на грудь, надавил, но получил растопыренными пальцами в лицо и отпрянул, до крови прикусив язык. Белорус зашарил по полу, нащупывая пистолет. «Хорек» больно давил под ребра, перед глазамиплыли цветные пятна...

Макота, пятясь, опустил правую ладонь и перехватил цевье автомата. Поднял его одной рукой. Туран метнулся в сторону – там в углу громоздились уже знакомые серебристые рулоны.

Макота шагнул следом, целясь, оказался над Маликом и Белорусом – бывший омеговец был сверху, он одолевал, и атаман не стал вмешиваться. Он помнил: небоходы дают за шакаленка пятьсот монет серебром, значит, его нельзя убивать, стрелять надо по ногам... Ствол автомата нырнул вниз, грохнула короткая очередь, но Туран подскочил, пули ударили в пол под ногами.

Белорус, уже теряя сознание, нащупал что-то на полу, ухватив, из последних сил врезал Малику по голове. Тот сопел и давил все сильнее, он побеждал и чувствовал это... Удар пришелся в висок – и от головы бандита разлетелось облако красных брызг.

Падая позади чего-то серебристого, Туран увидел, как Макота странно подпрыгнул на месте. Голова атамана дернулась, ноги оторвались от пола, он повалился набок... А за ним оказался Крючок, и приклад ружья в руках лопоухого описал дугу, заканчивая удар, сбивший Макоту.

Белорус хрипел и ворочался на полу у входа, его заливала кровь, которая била из развороченной головы Малика – Тим ослеп и никак не мог вдохнуть, мертвое тело придавило его.

Крючок, шагая вслед за отползающим Макотой, раз за разом опускал приклад, словно молотобоец. Атаман заслонялся локтями. Его накрыл ореол зеленых вспышек – броня держала удары. Изловчившись, Макота оттолкнулся от пола и врезал наотмашь. Рукоять, которую он вытащил из руки манекена, ожила в его ладони, тонко зажужжала. Привстав-

ший Туран поднял пистолет, но пока не стрелял, боясь задеть Крючка. А тот вдруг повалился на спину, рубаху на груди и животе залило красным... Макота вскочил, светящийся синий диск в его руке описал круг вокруг атамана, за ним тянулся мерцающий след. Туран выстрелил, броня на груди Макоты вспыхнула.

– Ага! – выкрикнул он в ярости. Грудь под чудесной броней вздымалась, глаза сверкали. Давненько он не переживал подобного азарта – Макота ощущал себя неуязвимым, могучим, это пьянило и кружило голову. – Ну, стреляй! Еще! Трус! Такой же, как батя твой! Погань фермерская! Выходи против меня! Ну, иди сюда! Боишься меня?!

Он отшвырнул автомат. Синий диск летал вокруг головы, выписывая в воздухе медленно угасающие петли.

– Давай! – орал атаман. – Сюда! Ко мне! Как два мужика! По-честному! А, шакаленок?! Ладно, щас я сам к тебе...

Белорус, по прежнему ничего не видя, смог наконец спихнуть с себя мертвеца и вытянул из-за спины «хорек». Он был оглушен, придушен и мало что понимал. Где-то над ним, совсем рядом, орал Макота, а Турана не было слышно... Тим вскинул оружие и стал стрелять.

Разрывы гранат заглушили вопли Макоты. По нутру энергично прокатился тяжелый глухой гул, пол задрожал. Все вокруг зашевелилось, манекен в центре зала сдвинулся с места и взмахнул руками. С гулками хлопками срослись мембраны в проемах. Взорвалась последняя граната, дальний про-

ход снова раскрылся, манекен согнулся, присел, широко разведя руки. Макота зашатался, когда пол ушел из-под ног. Со штабеля, за которым укрылся Туран, свалился серебристый рулон и подкатился к его ногам.

– Хозяин! Макота! – в зал ввалился Дерюжка. Он обеими руками сжимал голову, между пальцев струилась кровь. – Бежим отсюда! Там падает все... Кругляки эти с картинками лопаются, из них отрава брызгает! Бежим, спасаться надо!

Энергион содрогнулся еще раз, пол мелко задрожал, и мембрана рядом с Белорусом снова перекрыла проход. Макота разжал пальцы, сжимавшие рукоять, и диск световой пилы погас. Подхватив с пола автомат, он пустил очередь в серебристую грудку, за которой прятался Туран. Крючок попытался встать и снова рухнул в кровавую лужу. Атаман расстрелял половину магазина – пули не пробивали преграду, которая казалась непрочной и слабой. Туран высунулся, поднял пистолет, но энергион вздрогнул сильнее, и его пуля ушла далеко вверх.

Макоту вдруг пробрала дрожь. Выходы закрывались, пол содрогался... Атаман вспомнил, как выглядит эта штука, в которой он находился, снаружи – она же едва держится над бездной! Дерюга завыл, и это окончательно смутило Макоту, он испугался, что сейчас обрушится в пропасть – вместе с добычей, мертвецами, вместе с шакаленком, его спутниками и вопящим помощником.

Макота выпустил остаток пуль из магазина; Туран снова

рухнул за серебристый штабель, Белорус повалился на пол, закрыв голову руками. Подхватив с пола подкатившийся под ноги серебристый рулон, атаман швырнул его Дерюжке и крикнул:

– Держи крепко!

Помощник, схватив рулон, повалился на пол. Макота перепрыгнул через него и бросился к выходу. Придавив похожую на большой кастет рукоять, врубил светопилу и одним взмахом разрубил мембрану.

В стенах распахнулись круглые отверстия вроде небольших сопел, из них хлынули потоки мутной теплой слизи. Макота, нагнувшись и закрываясь автоматом, нырнул в разрез, проломился сквозь дрожащие края мембраны, которая из жесткой вдруг сделалась податливой и мягкой. Следом, прижимая к груди серебристый сверток, нырнул Дерюжка. Коридор извивался и вздрагивал, когда бандиты бежали по нему, откуда-то били струйки маслянистого вещества, оно растекалось под ногами, световые пятна на стенах беспорядочно гасли и вспыхивали. Нутро энергистона то погружалось во мрак, то озарялось, рябило в глазах, ошалевший от всего этого Дерюга выл, не умолкая.

А потом где-то внизу раздался скрежет, будто там сдвинулось что-то очень, очень тяжелое.

Пробегая по залу с черными «зеркалами», Макота разглядел, что все изображения погасли, из круглых дыр в стенах текут потоки мутной жижи, смешиваются на полу, располза-

ются лужами, вскипают и дымятся.

Когда они достигли темной полости с протянувшимися от пола к своду жилами, раненный энергион начал успокаиваться – судорожная дрожь сделалась не такой заметной, из открывающихся там и сям сопел выплескивалось все меньше жидкости, и Макота, увидев рваную дыру над головой и клочок неба в ней, немного успокоился. Но тут же услышал новый звук – скрежет и треск катящихся камней. Неведомо сколько сезонов громада провисела в неустойчивом равновесии над провалом, а теперь дрожь и толчки потревожили скалы под нею. Атаман вцепился в жилы, не обращая внимания на сочащуюся из них теплую слизь, стал карабкаться вверх. Позади хныкал Дерюжка – боялся послушаться и бросить свою ношу, но еще больше боялся отстать, оказаться в одиночестве. Нутро гиганта сделалось опасным и чужим, здесь Дерюжку били, в него стреляли, поливали вонючей дрянью, трясли и толкали... Его переполнял страх – и перед потревоженным энергионом, и перед атаманом.

– Макота, помоги! – взвыл бандит. – Руку! Дай руку!

Услышав, как где-то вверху затопали сапоги, он вцепился в склизлую жилу и повис. Соскользнул на пол, подпрыгнул и повис снова. Сверток мешал, но Дерюжка все никак не решался бросить его. Наконец догадался швырнуть наверх, в дыру над головой. Снова подпрыгнул. Вылез, подхватил добычу.

Макота бежал к скалам. Камни под чудовищным весом

энергиона дробились, сыпались в пропасть, грохотали, порождая лавину. Дерюжка, втянув голову в плечи и обеими руками прижимая сверток к груди, помчался за хозяином, который уже перемахнул на склон. Из-под сапог Макоты вывернулись булыжники, поскакали вниз, атаман присел, хватаясь за скальный выступ, утвердился на склоне. Дерюжка прыгнул следом и распластался на камнях. Он тяжело, с присвистом дышал, кашлял и перхал. Переведя дух, бандиты стали взбираться по склону, а за спиной грохотал и ревел обвал, все больше камней падало в бездну, шум нарастал.

Атаман вскарабкался на плато, отшвырнув автомат, растянулся на камнях. Рядом шлепнулся рулон серебристой пленки, показались ободранные ладони Дерюги. Над обрывом возникла взлохмаченная голова – и тут скалы застонали. Скрежет и визг возвестили о том, что энергион покинул насиженное ложе и сползает вниз по склону. Грохот все нарастал – и вскоре огромная машина полетела вниз, скребя склоны боками.

Глава 3

Белорус сумел подняться на четвереньки уже после того, как Макота скрылся. Протер глаза и уставился на Турана, который, склонившись над Крючком, пытался перетянуть обрывками рубахи рану на торсе.

– А это кто?

– Человек, – ответил Туран, безуспешно пытаясь унять кровь.

– Ох, и приложили меня... – пожаловался рыжий, – до сих пор трясет. Как будто пол под ногами ходуном ходит...

Подковыляв к Турану, он протянул свернутый бинт.

– На вот, этим человека своего перевяжи. Сейчас я мазь найду... Уф-ф, никогда такого не было, прямо всего меня трясет!

– Это не тебя трясет, а энергион. Из-за твоих гранат.

– Да брось, подумаешь, пару гранаток засадил... Ну, не пару, а пять. Так меня же едва не прикончили!.. Что ты сказал? Не меня трясет, а... Так бежать надо! Давай валить отсюда, мы ж над пропастью, язви ее в подмышку! Там же лететь сколько вниз... Бездна натуральная. Бежим, говорю, бросай этого человека!

Туран, не отвлекаясь на болтовню, наматывал бинт. Из-за мембраны донеслись приглушенные голоса – Ставридес звал его.

– Мы живые, здесь мы! – прокричал Белорус. – Сейчас выйдем!

– Я открою эту мутантскую дверь! – проорал Ставро. – Сейчас!

Удары в мембрану звучали глухо – бородач бил кулаками, таранил плечом, но удивительный, с виду такой податливый, некрепкий материал даже не трещал, лишь едва заметно вздрагивал. А еще он издавал вибрирующее гудение, словно бубен.

Что-то неразборчиво крикнула Макс.

– Что? – голос Ставро звучал с одышкой, он запыхался, это даже из-за перепонки было слышно.

– ...Сейчас свалится! Скорей! – когда бородач перестал бросаться на дверь, голоса донеслись отчетливей.

– Эй, внутри, отойдите, я буду стрелять! В стороны от двери!

– Не надо! Бесплезно! – успела выкрикнуть Знаток, и потом раздались выстрелы.

Туран подхватил Крючка, поволок к выходу. Лопухий отчетливо произнес:

– Геда. Здравствуй, брат. Я знал, ты за мной придешь.

Белорус с возрастающим удивлением глядел, как вспухают и тут же опадают округлые вздутия на мембране там, куда ударяли пули. Потом его осенило.

– Борода, не стреляй! Постой!

Тим поднял продолговатый шершавый предмет – тот, ко-

торый случайно подвернулся под руку в схватке с Маликом. Сжал ладонью. Ничего не произошло. Тим нахмурился, попробовал еще раз. Туран опустил Крючка, который прошептал:

– Геда... я тоже...

– Что ты делаешь? – спросил Туран у рыжего.

– погоди. – Белорус перехватил трофей по-другому, сдавил – из тогда из ладони его выстрелил язык голубоватого света, похожий на клинок небольшого ножа.

Тим с победным воплем полоснул светящимся лезвием по мембране, и она легко разошлась под этим ударом. Белорус ударил еще раз – сверху, потом снизу, и оттянул разрезанные лохмотья. Распахнулись сопла рядом с проемом, брызнули струйки тягучей клейкой жидкости. Белорус, прикрывая лицо рукой, кивком указал Турану на выход. Тот подхватил обмякшего Крючка, поволок наружу.

– Чем ты ее? – удивленно спросил Ставро, который до сих пор не мог отдышаться после схватки с мембраной.

– Скорей! – позвала Знаток, стоявшая в десятке шагов дальше по коридору. – Здесь все нестабильно, помните: мы висим над ущельем.

Туран протиснулся мимо Ставро.

– Кого ты принес? И где этот болтун?

– Я здесь! Здесь я! – Белорус показался в прорехе, волоча три рулона серебристой пленки. – Чего уставился? Помогай!

– Такие же лежали у входа, – буркнул Ставро, но сверток

принял.

Потом они молчали, берегли дыхание. Туран, хотя его ноша была тяжелей, чем у спутников, быстро догнал Макс. Коридор дрожал и вздрагивал, светящиеся пятна то и дело гасли, казалось, пути не будет конца. . . Показался зал с прозрачными коконами, за ним новый коридор. Отросток, сквозь который они проникли в энергион, искривился еще сильнее, он уже прогибался под гигантской тяжестью, и было слышно, как ворочаются и скрипят валуны под ним. В стенах беспорядочно открывались круглые сопла, брызгало маслянистое вещество. Туран поскользнулся, выпустив Крючка. Ставридес молча оттолкнул его, схватил раненого сам, забросил на плечо и сунул Турану серебристый сверток.

Когда они пробежали по камере с образцами, Макс споткнулась и упала, придавив черный стержень с серебристой колбой внутри, которым Белорус советовал ей мешать кашу. Из стержня полилось тусклое свечение. Луч имел коническую форму, внутри воздух слегка дрожал, и очертания предметов позади луча ломались. Турану показалось, что внутри потока стремительно проносятся световые кольца, дрожат и пульсируют. Конус уперся в штабель серебристых рулонов – и вдруг они взлетели в воздух. С другой стороны стержня заметно не было, но в полу там появилось отверстие, оттуда с шипением выступила пузырящаяся масса.

– Вставай! – Ставро бросился на помощь Макс.

Белорус, опередил его, подхватил женщину и поставил на

ноги, едва не выронив при этом свою добычу. Парящие под потолком рулоны с грохотом и шуршанием посыпались на пол, но на них никто уже не глядел, беглецы спешили к выходу, потому что теперь энергион пришел в движение – скалы больше не держали его.

* * *

Свет внутри отростка погас, когда впереди уже был виден белый овал прохода. Отросток сплющился, окончательно потеряв круглую форму. Туран, пригнувшись, первым нырнул в опасно сузившийся проем – и очутился на камнях. Крошились и трескались валуны под отростком, обломки с грохотом катились вниз, на дно ущелья.

В проеме показалась голова Крючка, бледное лицо и красные оттопыренные уши. Ставро и сам был достаточно крупным, узкое отверстие оказалось для него существенным препятствием, а уж с такой ношей он и вовсе застрял. Туран, отшвырнув сверток, подхватил лопухого, потянул, рванул на себя, затем подал руку Ставро, который, тяжело дыша, полз на четвереньках. С помощью Турана бородач выбрался наружу и откатился в сторону, чтобы освободить проход. Звук его дыхания напоминал работу больших кузнечных мехов – пробежка с Крючком на плече далась Ставро тяжело.

Отросток энергиона затрещал, когда чудовищная туша пришла в движение. Из совсем сузившегося прохода пока-

залась рука Макс, и Туран вцепился в нее. Женщина задергалась – и вылетела из прохода, как пробка из бутылки, прижимая к груди добычу: черный стержень с серебристой колбой и ремень с подвешенными на него кошельками.

Отверстие превратилось в узкую щель, куда и ребенок не пролезет. Туран и Ставро склонились над ним, а в щель вдруг просунулся конец серебристого свертка. Они дернули его, вытащили наружу, Туран крикнул: «Лезь сам!» – но вместо рыжего в щели показался другой сверток. Противоположный край энергиона уже скользил вниз по горному склону, вздымая тучи пыли и увлекая лавину камней. Обращенный к беглецам отросток начал задираться к нему, освобождаясь от нагрузки, принимая при этом прежнюю округлую форму. Туран закричал, что-то пискнула Макс, взревел Ставро. Белорус не показывался. Когда конец отростка поднялся еще выше, над ним мелькнула рыжая голова. Тим карабкался наружу, выдираясь из щели, а пол под ним кренился все круче и круче. Белорус прыгнул. Он тоже что-то орал, но голос тонул в грохоте рушащихся валунов.

Белорус, дрыгнув в полете ногами, описал дугу и упал на Турана и Ставро. Потом они и Макс встали у края скального выступа, глядя вниз. Энергион и камни скрылись в облаке пыли, закрывшем дно пропасти.

Грохот вскоре пошел на убыль, но тучи пыли продолжали расти, поднимались.

– Дались тебе эти свертки! – проворчал вдруг Ставридес

и от переизбытка чувств так хлопнул Белоруса широкой ладонью по спине, что рыжий чуть не сверзился вниз.

– Я добычу берег! – как ни в чем не бывало откликнулся Белорус. – А то что же, с пустыми руками из такого похода возвращаться? Видал, эти, которые на нас напали, они такой сверток уволокли, ну а я чем хуже? Если какой-то бандит получает добычу, значит, мне должно перепасть втрое, так-то!

Потом он поглядел на Знатока и решительно добавил:

– И уж это точно мое! Никто не наложит лапу на добычу, которую я вынес из мрака и разрушения.

Макс бледно улыбнулась.

– Ты же мог там остаться, упасть вместе с энергионом, – заметил Туран.

Рыжий в ответ подбоченился и объявил:

Тим Белорус не пропадет,
Поверьте, я не вру!
И если он дыру найдет,
Пролезет он в дыру!

Бородач смерил рыжего взглядом и снова посмотрел вниз, где клубились серо-рыжие облака пыли.

– Все пропало, – произнес он. – Энергион... Все тайны, которые там были. А я так многого ждал от этого похода!

Макс, глядя с обрыва, сокрушенно вздохнула.

– Это уж точно, борода, – согласился Белорус, – малова-

то добычи. Но зато все мы уцелели. И кое-чем все же разжились. Смотри на жизнь проще: мы живы и с добычей, что еще нужно для счастья?

Качая головой, Ставридес оглянулся на лежащего позади Крючка.

– Тур, кто это вообще такой? Как-то он не похож на хозяев энергиста... Скорей уж, на тех бандитов, которые залезли с того края.

– Он из банды Макоты, – согласился Туран. – Но он... Не знаю, как объяснить. Он не с ними. Помнишь, как ты нашел меня в пустыне? Я сбежал, атаман послал за мной погоню, и Крючок мог меня застрелить – но не стал. Я обязан ему жизнью. Тебе, потому что ты взял меня на «Крафт», но прежде – ему.

– Крючок, значит... Ладно, я тащил его по тому коридору, теперь сам поволочешь его на «Крафт».

Туран отвернулся от пропасти, присел над раненым и стал поправлять бинт. Позади Макс сказала:

– Надо лететь.

– Лететь! – воскликнул Ставридес. – Это если удастся поднять «Крафт». Не забыла, в каком виде мы его оставили?

Пока они карабкались вверх, Белорус, как обычно, болтал за двоих. В основном его речи сводились к тому, что маловато добычи удалось взять, но хорошо уже, что живыми возвращаются, и что жизнь – добыча хоть куда, самая лучшая добыча, которую только может получить человек. Вооб-

ще-то, не начини рыжий палить гранатами из «хорька», энергично бы не обрушился, однако Белорус был не способен испытывать стыд или смущение. Да и сожалеть о произошедшем он, кажется, не умел.

Снизу «Крафт» был едва виден, его заслоняли скальные зубья, а когда поднялись выше, взгляду открылась печальная картина: скалы частично смяли гондолу, служившие шпангоутами брусья потрескались и согнулись. Расшевелить скалы, вцепившиеся в «Крафт», казалось невозможным.

– Если бы приподнять... – безнадежно пробормотал Ставро. – Нужно что-то придумать.

– И придумать скорее, – добавила Макс. – Наверное, ты уже забыл: меня ждут в Херсон-Граде.

– Обед подгорает, – ехидно добавил Белорус.

– Ставро, пожалуйста! – не обращая на него внимания, повторила Знаток. – Мне в самом деле нужно поспешить. Очень нужно!

Ставридес только головой покачал, разглядывая скалы, сжавшие «Крафт».

– Я не шучу, – к удивлению Турана, голос Макс дрогнул.

Женщина что-то еще говорила, Ставридес хмурился и тискал бороду, Белорус ехидно скалился... А Турана вдруг осенило – он вспомнил, как взлетели рулоны в камере с образцами. Что тогда произошло? Макс упала и придавила длинный черный стержень... из раструба ударил поток излучения, которое заставило взлететь штабель серебристой тка-

ни... Что случилось потом? Макс поднялась, и тогда инструмент отключился. Почему он сработал? Потому что женщина прижала какую-то кнопку или рычаг, скрытый под черной поверхностью?

– Мы можем попробовать, – торопливо заговорил он. – Эй, хватит ругаться, послушайте меня! Помните, когда мы бежали через зал с этими упакованными штуками, они взлетели?

– Я не заметил, – буркнул Ставро, – я твоего Крючка тащил. Но продолжай.

– Тот человек, или кто он... Ну, скелет там, в коридоре – он не успел к пузырям, потому что работал с добычей, то есть с этим... образцами, – Туран говорил быстро, мысли опережали слова. – Он складывал упаковки в штабеля. При помощи этой черной палки поднимал и перемещал их. Понимаете? Двигал, переставлял их. А там ведь были и здоровенные мешки. Может, этот инструмент сумеет приподнять «Крафт»?

Ставридес лишь рукой махнул на такое нелепое предложение, а Белорус заметил:

– Да ну, тяжелый он совсем. Хотя, конечно, попробовать нам никто ведь не мешает, верно? Ну-ка, дай мне эту штуку...

Рыжий протянул руку к Макс, но она отступила на шаг.

– Не обижайся, но что-то мне не хочется тебе это отдавать.

– Ну так пусть Туран попробует, раз это его идея.

Макс покачала головой и отступила еще на шаг. Наведя раструб на валун внушительных размеров, стала так и этак тискать его. Ничего не происходило.

– Ты осторожней, – сказал Туран. – Из другого конца может пойти отдача.

– Я помню. – Макс сосредоточенно тыкала в разные точки, зажав стержень под мышкой, поворачивала его, силясь нащупать кнопку, рычаг или что-то похожее, прикусив губу и досадливо морщась.

– Дай попробовать Турану, – повторил Белорус, – а лучше дай мне. И еще, ты зря ищешь кнопку.

– Зря? – Она сдула прядь волос со лба. – А что же управляет этим... Этим инструментом?

– У тех беловолосых ребят явно другой принцип. Вот постарайся понять: их приспособления как животные. У них нет отдельных частей, они цельные, нужно только правильно придавить. Я еще с самого начала заприметил, те остатки на полу – они были как мертвецы, из них кости торчали, понимаешь? Разложились мертвяки, будем говорить, сгнили. А этот инструмент сохранился получше, он и теперь живой. Живой, понимаешь? Нужно нащупать что-то под шкурой. Ну, как маниса погладить. Видела, как справный возчик ящера погладит, а тот шипит, спину гнет, а после быстрее скачет? Так и здесь. И придавить сильнее нужно, не твоим пальчиком. Тут мужская рука нужна.

– Знаток, ты сама говорила, что у нас мало времени, –

напомнил Ставро.

Макс попыталась еще несколько раз и хмурясь передала инструмент Турану. Он повернул черный стержень так, чтобы конец, где была закреплена серебристая колба, глядел в пропасть. Прикрыв глаза, стал вспоминать, как Макс упала во время бегства и что она тогда могла прижать. Руки заскользили по шершавой поверхности, поглаживая ее, нащупывая едва ощутимые выпуклости и впадины, узелки, похожие на мышцы уплотнения, слегка перекатывающиеся под кожей.

Макс вскрикнула, ахнул Белорус, и Туран раскрыл глаза. Каменюка, в которую он нацелил раструб, висела в воздухе без всякой опоры. Черная штуковина едва заметно вибрировала в ладонях, от раструба протянулся конический луч, внутри которого бежали дрожащие световые круги.

Серебристое вещество в колбе под решетчатым кожухом кипело. Тонкий вибрирующий звон растекся вокруг. Туран повел раструбом в сторону, светящиеся круги побежали быстрее, конус излучения с замершей на конце каменной глыбой качнулся. Валун завис над бездной, где оседали серо-рыжие облака, и когда Туран ослабил хватку – обрушился вниз.

– Вот это дело! – вскричал Белорус. – Ай да инструмент! Ну, теперь полетим!

Ставро кивнул с некоторым облегчением – все же, хотя они не успели толком обследовать энергион, добыча облада-

ет заметной ценностью. Макс хмурилась и терла лоб, вряд ли она ожидала такого результата. А может, задумалась о делах, которые призывают в Херсон-Град? Турану же хотелось одного – скорее испробовать инструмент и свое неожиданно обнаружившееся умение обращаться с ним на термоплане. Хватит ли сил у черного стержня, чтобы поднять «Крафт»?

Ставро быстро осмотрел свою машину, наскоро привел в порядок швартовочный трос с лебедкой. В гондолу перенесли Крючка, который тяжело дышал и звал Геду, но в сознание по-прежнему не приходил. Все суетились, мешали друг другу, больше других волновался Ставридес.

Наконец приготовления были завершены, хозяин «Крафта» занял место за штурвалом и врубил двигатель, который затрещал, погнав подогретый газ по трубам... Озабоченное бородатое лицо показалось в иллюминаторе, Ставро кивнул. Макс сказала:

– Начинай, Тур.

Туран давно уже присмотрел подходящее место, теперь он занял позицию и поднял черный стержень.

Пальцы сами нашли нужные выпуклости. По черной шкуре прошла дрожь, передалась стиснутым ладоням, внутри скрытой под сетчатым кожухом колбы мягко засветилось серебристое вещество. Конус искажения уперся в поперечный брус между емкостями, побежали световые кольца, все гуще и ярче... Раздался громкий скрип, «Крафт» качнулся, зашевелился в каменных тисках, посыпались обломки. Туран

осторожно повел раструбом вверх... и термоплан приподнялся! От волнения ладони дрогнули, «Крафт» снова покачнулся, Ставро что-то прокричал, его раскрасневшееся лицо снова показалось в иллюминаторе, но дело было сделано, и Белорус замахал сорванной с головы банданой, перепачканной в крови. Термоплан, мягко покачиваясь, пошел вверх. Туран боялся разжать руки – вдруг свалится? Он сосредоточился на том, чтобы луч смещался очень плавно, упираясь в поперечную балку между баллонами. Ему казалось, что черный стержень в руках стал немного тяжелее, словно вес термоплана частично передан на инструмент.

Опомнился Туран, когда Белорус дернул его за рукав и прокричал:

– Давай на борт! Хватит!

Знаток уже карабкалась в гондолу, и Тим побежал помочь ей. Туран, отключив инструмент, заметил, что сзади – там, куда глядела его тыльная сторона – в камне появились глубокие борозды. Вообще-то, он старался направлять раструб так, чтобы позади ничего не оказалось, но, видимо, увлекся, а может, дернулся, когда Белорус схватил его за рукав.

Осторожно прижимая к себе стержень, Туран поспешил за остальными.

Они торопливо загрузились в гондолу, и Ставро повернул штурвал, направляя термоплан через огромный разлом, на дне которого исчез энергион.

Часть вторая

Возвращение

Глава 4

И только поднявшись на обрыв, только увидев «Панч», Макота вспомнил, когда в последний раз чувствовал себя так же. Он был совсем мальчишкой, когда убил отца. Старый забулдыга, вселяющий ужас в жену и сына, работал сторожем на шахте, у которой приютился забытый всеми городок. Грязные пески восточной Пустоши со всех сторон напозлали на покосившиеся домишки, на кривые улочки, поросшие бурьяном огороды, на загоны со свиньями и жалкую лужу, лишь по недоразумению именуемую прудом. Отец приходил домой под утро, всегда пьяный и злой, он вытаскивал жену с сыном из кроватей, орал на них, размахивал кулаками и часто принимался бить, и ссадины потом не сходили декадами, и мальчишки на улицах дразнились: «Мак-Синяк!»... Макота был шуплым, хилым из-за постоянного недоедания, с бледным землистым лицом и кругами под глазами – мокрица, личинка ползуна, а не ребенок. И вот как-то, после того, как отец выбил ему зуб, в груди юного Макоты словно что-то порвалось. Там стало как-то очень пусто и холодно,

и Макота, не думая вообще ни о чем, ведомый будто чужой волей, взял со стола ржавый нож, занес над головой двумя руками и с размаху всадил в рыхлую от дешевого пойла печень папаши.

Сквозь закрытое мутной пленкой окошко лился серенький предутренный свет. Мать забилась в угол и тихо подвывала, безумными глазами наблюдая за сыном, который стоял над телом, распластавшимся посреди темной комнаты. А он вытащил нож, вытер о драное покрывало, огляделся... и понял, что сделал.

А еще понял: отца больше нет. Конец побоям. Конец дикому, животному ужасу, когда ты забился под кровать, а сверху ревет пьяная скотина и визжит мать.

Конец старой жизни.

Он сунулся в кособокий кухонный шкаф, где лежали остатки ужина: пара сухарей да ломоть соленой собачатины. Завернул их в грязное полотенце и повернулся, услышав скрип гнилых досок.

Мать подбиралась к нему, вытянув перед собой тощие руки, растопырив пальцы с грязными ногтями.

– Назад! – показав ей нож, Макота по-волчьи оскалился.

Она отпрянула, споткнулась о тело и повалилась на пол. Поднявшись на четвереньки, обхватила труп и завывала: «Петрооо... Петрооо...» Глаза ее стали совсем безумными.

– Подойдешь – зарезу, – предупредил Макота и стал собираться.

Времени на это ушло немного – кроме обносков, которые были на нем, мальчику принадлежала только засаленная дражная куртка с отцовского плеча да ремень с красивой металлической пряжкой, который Макота украл на городском базаре в начале сезона ветров.

– Ты убил его! Убил! Убил! – выла мать. – Ты отца родного... батю свою...

– Дура, – перебил Макота презрительно. – Если б не я его, он бы нас обоих кончил.

– Уби-ил! – не слушала мать.

Макота подпоясался ремнем, сунул за него нож, накинул куртку, спрятал в карман сверток с едой, в другой – бутылку с остатками пойла, которую со службы принес отец, взял еще флягу с водой. Подумав, шагнул к труп. Мать выла и раскачивалась на четвереньках. Макота стащил с головы отца соломенную шляпу, расправил поля, надел – и вышел из хибары, где родился и вырос, бросив напоследок:

– Наружу не суйся, тоже пику получишь.

Он знал: мать напугана так, что вряд ли станет звать на помощь раньше, чем окончательно рассветет, а к тому времени Макота уйдет далеко. Да и не будет никому до него дела в этом поселке на задворках Пустоши с его почти выработанной шахтой, двумя десятками жалких хибар, покосившейся кнайпой и свиньями, роющимися в грязи вместе с детьми. У матери нет денег, чтобы назначить награду за поимку сына – ни денег, ни патронов, ни выпивки, ничего, что могло бы

заинтересовать местных, – а раз так, то и погони не будет.

А потом был покосившийся плетень, обозначающий границу поселка, пустырь со свалкой, грязные барханы и дорога, уходящая к горизонту, и далекий вой панцирников, и первый в жизни Макоты рассвет в Пустоши. Он шел, сам не зная куда, ощущая приятную тяжесть ножа за ремнем и свертка с едой в кармане... не шел – летел, как на крыльях. Он понимал, что больше никогда не вернется в поселок, никогда не увидит опостылевших рож местных обитателей, как и залитого чахоточным румянцем лица матери. Он шел, а вокруг лежала Пустошь, и солнце поднималось над горизонтом, и маленький Макота знал: впереди его ждет много чего. Много интересного и хорошего.

И еще он понял тогда, раз и навсегда понял: легче всего решить проблему, убив того, кто ее создает. Именно так он и стал поступать впоследствии. Вскоре, чтобы разжиться едой и парой медяков, ему предстояло убить одинокого бродягу, а после мальчик едва не прирезал старика-фермера, но это было уже после, а тогда заскорузлая, маленькая, грязная душа Макоты пела – и рвалась навстречу встававшему над горизонтом бледному солнцу.

Пела она и сейчас, когда атаман поднялся на каменную насыпь, отделяющую провал от расселины, в которой прятался «Панч». На Макоте была броня, пальцы крепко сжимали ребристую рукоять световой пилы, на ремне висел нож, на плече – омеговский автомат... Атаман был непобедим. Мо-

гуществен. Вечен!

И Пустошь, как и тогда, лежала перед ним – далеко, за границей Донной пустыни, но все же совсем близко... Лежала, томно раскинувшись, и ждала, пока Большой Макота придет и возьмет ее. Подчинит. Сделает своей. Всю ее, от горизонта до горизонта.

– Земля до горизонта, – произнес он хрипло. – Моя.

– Что, хозяин? – донеслось сбоку озабоченное, и Макота поморщился. – Что ты сказал? Вона Захар, вижу его, а танкер уже потух, а? Так, может, пошныряем в нем, глядишь, найдем чего – вдруг там автомат еще один...

– Не мельтеши, – бросил Макота. – Иди, проверь танкер.

– Слушаюсь!

Дерюжка положил длинный серебристый сверток на камни и бросился по насыпи, но атаман ухватил его сзади за воротник, дернул к себе и добавил:

– Что найдешь – мне сначала покажешь, понял? Не вздумай утаить чего. И быстро давай, чтоб раз-два – и здесь уже был!

– Как можно, хозяин! – всплеснул руками молодой, вывернулся из-под руки и заспешил прочь.

Из-под ноги его полетел камушек, и Захар, копающийся в капоте «Панча», поднял голову.

Полулежащий у костра Стопор схватился за обрез, но потом бандиты узнали атамана и расслабились.

– Ну что, хлопцы? – крикнул Макота, и оба снова напряг-

лись, заслышав в голосе хозяина горячечные нотки. – Повоюем теперь?!

Подхватив сверток, он на заду сполз по камням и пошел вокруг «Панча».

– Гляжу, вытащили его.

– Вытащили, – ответил Захар, слезя с подножки. – Лебедку чуть не сломали. Что с тобой, Макота?

Он встал перед хозяином, с подозрением заглядывая в глаза, посверкивающие шальным свирепым огнем.

– Со мной-то? Да ниче. А что такое?

– Да ты вроде... ну, вроде выпил. Дерюгу вижу, а где Малик?

Стопор подошел к ним, положив обрез на плечо. Второе стягивала повязка.

– Малик... – атаман махнул рукой за спину. – Внизу остался. Насовсем.

– Что-то там грохотало недавно, – припомнил механик. – Земля тряслась.

– Грохотало, потому что эта... Большое это, которое там висело, обвалилось. А Дерюга щас вернется, в танкер пошел глянуть, мож чего осталось.

– Я уже г-глянул, – возразил Стопор. – В-все забрал. О, л-летит!

– Че? Где? – Макота развернулся.

Стопор стоял возле пролома, оставленного в камнях кабиной самохода.

– Д-дирижаба летит.

– Уже?! – Макота бросился к нему, оттолкнув, выглянул.

На другой стороне разлома летающая машина медленно поднималась наискось от склона.

– А-а! – взревел Макота, бросаясь обратно. – Отсюда не добьем... Захар, машина на ходу?!

– На ходу-то – на ходу, но... – начал тот.

– В кабину – быстро! Заводи! Упустить шакаленка мы не должны!

– Да работы еще полно, ремонта... – Захар не договорил, Макота вцепился ему в шиворот, развернул грузную тушу к самоходу и дал пинка под зад.

– Да ты совсем ошалел, Макота?! – возмутился механик.

– Заводи, сказал! Стопор – собирай вещи!

Стопор, сунув обрез за ремень, поспешил к костру, возле которого лежала скатка, стояли чайник и чугунок с остатками похлебки.

– Стопор, ящщык со струментом не забудь! – сипло крикнул Захар и, дохнув от натуги перегаром на всю расселину, полез на подножку.

Макота, запрыгнув в кабину с другой стороны, уселся, положил сверток у ног и рванул рукоять на конце свисающего сверху тросика. Хрипло, угрожающе взревел гудок. Заскрипели ржавые пружины сидушки под объемистым задом механика, зарокотал двигатель, что-то задрезжало под ногами.

– Ремонт ему потребен! – просипел Захар и вытащил из-под сиденья бутыль, наполовину полную чем-то мутным.

– И где ты выпивку всегда берешь? – изумился Макота, пододвигаясь, чтобы впустить в кабину сопящего Стопора, который, помимо скатки и чугунка с чайником, волочил еще большой железный ящик с инструментами. – Некроз тебе в печень – ехай уже! Вон они летят, отсюда вижу!

– Так ведь Дерюжка...

– Гони, сказал! Поворачивай!

– Тут не повернуть, задом надо!

– Ну так задом гони!

Над вершиной каменной насыпи показался «Крафт», вылетающий из разлома. Макота снова дал гудок. «Панч» тронулся назад; Захар, сунув вставшему за сиденьями Стопору бутыль, распахнул дверцу и высунулся, вцепившись в руль одной рукой, оглядываясь. Он плавно поворачивал баранку, чтобы «Панч» не цеплял бортами камни. Самоход пятился, взревывая двигателем, на горку, прочь от остова танкера с черной дырой на месте башни. Оттуда показался Дерюжка, увидел, что происходит, выскочил и с воплями, которые едва доносились сквозь шум мотора, устремился следом.

– Х-хозяин, а как ты собираешься п-по дирижабе ракетами? – спросил Стопор. – Она р-разве железная?

Макота уже и сам раздумывал – засечет елетроника дирижабу или нет? Атаман не помнил, как оно было прошлой ночью, когда они подъехали к разлому, слишком тогда все

круто завернулось с этими танкерами, слишком быстро происходило. Должно ведь там что-то железное быть на борту, а? Но, с другой стороны, если оно небольшое совсем, так тарелка на крыше «Панча» может его и не засечь.

– Захар! – окликнул он. – Слыхал вопрос?

– Не знаю я! – крикнул в ответ механик. – Не мешайте!

«Панч» поехал быстрее, и Макота нажал на кнопку под монитором перед собой. Впереди Дерюжка споткнулся, упал, вскочил и помчался дальше, размахивая руками. «Панч» преодолел большую часть расселины – вот-вот выберется наверх.

Монитор озарился зеленым, загорелась прицельная сетка с двумя кругами, и точками, обозначающими взорванные танкеры. В той стороне, где летела дирижаба, на экране ничего не было. Может, потому что самоход еще слишком низко, а если выехать из расселины...

Макота распахнул дверцу, край ее заскреб по каменной насыпи.

Дерюжка, добежав до «Панча», поднырнул под дверцу и взлетел на подножку.

– Макота, что же вы без меня?! – с детской обидой завопил он, вваливаясь в кабину. – Куда ж вы без меня?! Как это – без меня?!!

– Усохни, молодой, – отмахнулся атаман, напряженно глядя в экран. – Хотели бы без тебя – я б не сигналил. Сядь и не маячь!

Тяжело дыша, Дерюжка протиснулся мимо Стопора и плюхнулся между атаманом и механиком, который закрыл дверцу со своей стороны и уселся обратно на сиденье.

– Ничего я не нашел в том танкере... – начал Дерюжка.

Макота перебил:

– Знаю! Заткнись!

– Все-то ты знаешь, – удивился молодой. – А вот...

Макота, не глядя, двинул его локтем под дых, и бандит задохнулся, широко разевая рот.

Расселина закончилась, Захар сильно вывернул руль. «Панч» развернулся, механик затормозил, передвинул рычаг – самоход покатиł прочь от провала.

– Вон они! – заорал Дерюжка, тыча пальцем в широкую щель между листами брони, сверху и снизу закрывающими лобовое стекло. Макота подался вперед, выглядывая – под краем верхнего листа показался «Крафт». Он, как и самоход, двигался от провала, но только намного выше.

Атаман впериł взгляд в монитор – нет, не видит елетроника врагов! Да и к тому же слишком высоко дирижаба успела забраться, если садануть по ней сейчас ракетой – взорвется, обломки на землю сверзятся, и конец шакаленку вместе с его дружками. Разобьются. Их-то не жалко, а вот шакаленок Макоте нужен живым: во-первых, чтоб узнать, ради чего Гильдия его разыскивает и награду за него назначила, причем – за живого, не мертвого, а во-вторых, чтобы убить его своими руками, чтоб видеть, как подыхает мразь фермер-

ская... Хотя, ведь ежели убить его, так награды небоходской не видать! – сообразил атаман вдруг. И тут же решил: да и мутант с ей! Макота до сих пор помнил, каким уверенным выглядел Туран Джай прошлым утром на южном склоне разлома, как он протянул к атаману руку и будто бы сломал ему шею. Много о себе возомнил мальчишка, слишком много! И теперь Макоте очень хотелось увидеть смертельный испуг в глазах шакаленка – который, судя по всему, перестал уже быть шакаленком, но вырос не в шакала, вырос в волка – испуг, а после – видеть, как затухает в этих глазах жизнь и как они становятся стеклянными. Мертвыми.

А раз так – обойдусь без пятисот монет, решил Макота. Надо из фермера всю душу вытряхнуть, всю подноготную узнать, разведать, почему Гильдия его разыскивает, а после убить.

Или, может, покалечить чуть не до смерти – и полуживого продать небоходам?

Громкий стук о днище вылетевшего из-под колеса камня вернул атамана к действительности. «Панч» катил мимо остова подбитого прошлой ночью танкера, приближаясь к окутавшему землю дымному облаку. Выше летел «Крафт», он медленно опережал самоход. А впереди...

– Медуза! – завопил Дерюжка, хватая хозяина за плечо.

Из дымной стены выпячивался большой, немного выгнутый кверху блин густой слизи, украшенный по периметру липкой сиреневой бахромой, в которой запутались челове-

ческие и звериные черепа, кости, какие-то железяки и диски от колес.

– Это та самая! – вопил Дерюжка. – Та, что самоход объела с людьми! Помните, где шкелеты!

– А может, и другая, – перебил Захар. Подавшись вправо, он глянул на монитор перед Макотой. – Не видит елетроника... Нет, видит железячки в щупалах ее, но они маленькие совсем, потому плохо видит.

На мониторе возникла россыпь едва заметных световых крапинок – больше десятка, вытянувшиеся узким овалом, они мерцали, исчезая и возникая вновь, и светлели по мере того, как медуза приближалась.

– П-пальнет елетроника в это? – спросил Стопор из-за сидений.

Захар облизнулся, рывкнул: «Дай бутылку!», обернувшись, вырвал ее из рук бандита и приложился к горлышку. В несколько глотков опустошив, швырнул под ноги, снова обеими руками вцепился в руль и крикнул:

– Не пальнет! Малые цели слишком и много их, как ей разобраться, куды палить? Хотя...

Медуза полетела быстрее, бахрома ее закачалась. Объезжая подорванный танкер, «Панч» немного повернул и теперь ехал не напрямиком к дымному облаку – и чудище тоже было не прямо по курсу, а немного левее.

– Э, а что если она и нас сейчас, как те шкелеты... – забеспокоился Дерюжка. – Макота, что если облапит нас... Эта...

облепит, говорю, машину, да как начнет разъедать кислотой своей? Тикать надо!

Мимо хозяина он сунулся к дверце, попытался раскрыть, но получил мозолистой ладонью по лбу и упал обратно на сиденье.

– Я те тикну! Сидеть на месте и без паники, молодой! – приказал атаман. – Захар, ежели сигналы слабые и все в кучке такой мигают, так куда ракеты полетят?

– В кучку эту, – ответил механик.

– Ну так рули на нее!

– Ты топи на полную, Захарик! – добавил молодой. – Он ж рядом совсем!

Исполинская медуза, способная своим слизистым туловом накрыть весь «Панч», и впрямь была уже совсем близко. Механик крутанул руль, направляя самоход прямым ходом к чудовищу.

– Взлетает, тварюка, – пробормотал он.

– Это нам и надо. – Макота ударил указательным пальцем по одному из тумблеров под зеленым монитором.

Медуза поднималась, радужные пятна и завихрения переливались в мягком влажном теле, истекающем зеленоватыми кислотными струйками. Колыхалась бахрома с костями и всякой рухлядью.

Самоход дернулся, когда вверху взвыла ракета. Она врезалась в бахрому, пробила ее и ударилась во что-то железное, запутавшееся в сиреневых отростках.

Взрыв полыхнул так ярко, что даже сквозь смеженные веки ослепил Макоту. И гроыхнул так громко, что оглушил сквозь прижатые к ушам ладони. Стопор с Захаром тоже успели закрыть глаза и уши, а вот Дерюжка не успел.

Макота раскрыл глаза и сквозь плавающие перед ними радужные пятна разглядел, как слизистый блин проливается на землю кипящим ядовито-зеленым дождем, как падают запутавшиеся в бахроме кости и железки. В мгновение ока от чудовища просто ничего не осталось – все оно превратилось в жидкость, которая шипела и пузырилась, впитываясь в ил.

– К-капот горит? – спросил Стопор.

– Не горит, – возразил Захар, тормозя. – Дымится только.

Железная поверхность исходила сизым маревом – часть кислоты попала на нее, начисто смыв грязь вместе с ржавчиной.

– Мы вроде под кислотный дождь угодили, – заметил Макота. – Дерюга, а ну проверь, шины целы? Дерюга!

Все посмотрели на молодого – тот раскачивался, широко разинув рот, одной рукой тер левое ухо, а другой – правый глаз.

– Дерюжка! – Захар пихнул его в бок.

Дерюжка просипел:

– Оглушило... Оглушило меня, хозяин! Макота, где ты? И ослепило – не вижу ничего! Беда, ослеп я! Хозяин, не вижу тебя! Ослеп и оглох, как же я теперь?!

– Так, я сам гляну, – решил атаман и, распахнув дверцу,

встал на подножке.

Дирижаба летела прочь. На земле впереди появилось зеленое болотце, из пузырящейся жижи выступали черепки, торчали кости и ярко поблескивающее, будто начищенное железо. Колесо справа оказалось цело, Макота приказал: «Не высовываться пока», прыгнул и обошел болото. Из кабины доносились причитания Дерюжки, Захар покрикивал на него.

Второе колесо тоже было цело, и атаман вернулся обратно, но прежде чем залезть в машину, забрался на подножку, уперев руки в бока, поглядел вслед дирижабе. Она уже стала смутным силуэтом в дымной мгле. Нет, сейчас не догнать шакаленка. Макота плюнул и полез в кабину.

– Хозяин, я тебя вижу! – вскричал Дерюжка, протягивая навстречу руки. – Вижу тебя!

– Ладно уже, отвали. – Макота отпихнул его.

– И слышу! – восхитился бандит. – Вот сейчас ты сказал: «отвали», а еще, кажись...

– Все, заткнулся! – распорядился атаман. – Захар, как машина, на ходу еще?

– Я ж тебе говорил: ремонт нужен.

– Ремонт... – протянул Макота. – Так... Стало быть...

Стопор, перегнувшись через плечо Дерюжки, спросил, тыча пальцем на сверток под его ногами:

– Эт-то что?

– Стопорик! – обрадовался Дерюжка и обхватил Стопора

за голову. – И тебя вижу, родной!

Бандит вырвался из его объятий, и молодой принялся тереть глаза кулаками.

– Значит так, хлопцы, – решил Макота. – Счас пока рулим дальше. Неохота мне возле дырищи этой торчать. Рулим до того самохода, ну, автобуса со шкелетами, помните? Как раз ночью уже возле него будем, там привал. Захар – чинишь, че там еще починить надо. Стопор – помогаешь ему. Не возле костра отлеживаешься, а помогаешь! А мы с молодым пока машину вот этой штукой, – он топнул по свертку, – обматываем. Да-да, и не лупайте на меня глазенками. Это – броня.

– Вот это гибкое – броня? – не поверил Захар.

– Во-во. Ее пули не берут, ясно тебе?

– Мы проверяли! – гордо добавил Дерюжка. – Ты что, самому Макоте не веришь?!

– Как же тогда на машине ее закрепить? – возразил механик. – Если пули не берут, так и отверстий в ней не пробить, чтоб, к примеру, винтами прихватить.

– Ниче, решим как-нибудь.

– А потом куда, Макота? – спросил Дерюжка, преданно заглядывая в лицо хозяина красными распухшими глазами.

– Потом к Кораблю, а куда ж еще? Там наши хлопцы остались, надо забрать.

– А потом?

– Потом... – протянул атаман, в голове которого только-только начал складываться план. – Знаю я одно местечко,

куда мы потом поедем. Хорошее местечко.

– А с этими что? – Захар показал вслед дирижабе, окончательно пропавшей из виду, и все посмотрели вперед.

Макота не ответил. Про себя он уже решил: на время о шакаленке, ставшем волком, придется забыть. Не до него сейчас Большому Макоте. Пора становиться хозяином Пустоши.

* * *

По другую сторону гряды лежала равнина, покрытая иловой коркой. Солнце, перевалив зенит, заливало Донную пустыню жаркими лучами – все живое укрылось от него, и до самого края земли, насколько хватало глаз, не было видно движения.

Поначалу, когда удалось взлететь, Ставро приободрился. Он постукивал костяшками пальцев по штурвалу и бормотал, как станет ремонтировать «Крафт» – только бы дотянуть, вырваться из пустыни. Потом бородатое лицо стало сосредоточенным: Ставридес задумался о трудностях, с которыми придется столкнуться на пути к Херсон-Граду.

Кроме хозяина «Крафта» никто пока не понял, что опасное приключение завершилось и начинается тяжелая скучная работа. Макс думала о своем, Тим Белорус болтал о том, как он дрался с бандитами и для чего, по его мнению, были предназначены те или иные приспособления в энергионе.

Теперь, когда на полу рубки уложили Крючка, там сделалось тесно, и Ставро велел:

– Вы двое, отнесите его на корму. Только пристегните ремнями, чтобы не свалился с койки.

Коридор насквозь продувался потоками воздуха – изза падения растрескались и сместились ребра каркаса, в плетеных стенках появились прорехи.

– А чем ты Малику голову разнес? – спросил Туран на ходу. Он шел первым, спиной вперед, удерживая Крючка за торс, а Белорусу достались ноги раненого. Рыжий скривился в досаде, услышав вопрос, потом натянуто улыбнулся.

– Ага, ты видел мой знаменитый удар с правой!

– Не заговаривай мне зубы. Потом ты еще этой штукой проход нам резал. Такой нож из света... что это?

– Да так, безделушка, ножик. Ерунда!

Туран задом распахнул дверь, они внесли раненого и опустили на койку. Белорус за это время успел собраться с мыслями – и заговорил другим тоном:

– Как там тебя борода называет... Тур. Ладно, Тур, тебе я скажу. Так вот: мы все рисковали, повидали там всякое, чудеса эти все, опасности. Вот я – не жадный, я три мотка серебристой штуки схватил, чтоб на всех! Обо всех подумал, так? Я бороде предложу его «Крафт» упаковать в такую ткань, или как ее назвать, ее ж пуля не брала, понимаешь? Он будет летать, и никто ему не повредит, не подстрелит! И эту корзину тоже, не только емкости. Но ножик останется у

меня. Давай так, мне ножик, бороде – серебристую штуку, а тебе черную палку, подъемник этот? Макс, конечно, больше всех досталось, ей ковыряться в этих игрушках – на целый сезон хватит загадок, а то и на два! А тебе подъемник, ты вон как с ним управляешься! Понимаешь идею мою?

– Боишься, чтоб Макс себе и ножик не заграбастала твой, – понял Туран. – Или Ставро. Он до сих пор на тебя сердит, что ты на «Крафт» тогда пролез.

Он поудобнее уложил Крючка, пристегнул ремнем. Кормовой отсек был расколот, сквозь прорехи виднелся безжизненный илистый ландшафт Донной пустыни, слоистые холмы и ложбины.

– В общем, ты со мной согласен, – заключил Белорус.

– Как хочешь, – Турану не хотелось спорить. – Допустим, я промолчу. Но Макс же точно вспомнит. Ставро стрелял в эту дверь, стрелял с нескольких шагов, но не мог пробить пулей, а ты открыл. Макс точно сообразит и захочет...

– Э, не нужно события торопить. Идем, поглядим, как дела у тех двоих. Макс ваша уже наверно по уши в находки свои зарылась и думать не думает, каким таким образом старине Белорусу удалось прорезать проклятую дверь и, как обычно, всех спасти.

Когда Туран с Белорусом возвратились в рубку, Макс и правда «по уши» погрузилась в изучение находок. Она сидела прямо на полу, напялив поверх растрепавшейся прически черные наушники, и очень сосредоточенно разглядывала

найденный в энергионе яйцеобразный предмет.

Рыжий, толкнув Турана локтем, шепнул:

– Язвить ее в подмышку, таких баб я еще не встречал! Гляди, даже прическу не поправила! Другая бы сперва перепугалась, что выгладит зачуханно, что на ней рванье не по размеру и волосы растрепались, а эта... вот уж чудо настоящее, а не баба, куда там энергиону!

– Что такое энергион? – громко спросил Туран, и Макс подняла голову.

– Не знаю, – сказала она. – Из того, что мы там видели, могу заключить только что все эти вещи, – Знаток показала «яйцо», – создали те, кто владеет знаниями, очень превышающими наши.

– Это понятно! – закивал Белорус. – Это не надо особливо ученым быть, чтоб такой вывод сделать. Но все ж таки непонятно: откуда оно все взялось? Кто, будем говорить, автор?

– Энергион – это одна из небесных платформ. Это все, что сейчас о нем можно сказать наверняка.

Ставро позвал:

– Тур, сядь на мое место и гляди по курсу. «Крафт» снижается, не хочу, чтобы мы напоролись на что-то.

– А ты куда?

Бородач тяжело вздохнул и полез в стенной шкафчик.

– Последний запас. – Он вытащил плоскую канистру. – Больше топлива нет, до Ямы не дотянуть. Нужен газ, нужно

топливо, а где их взять? Это же пустыня. Здесь вообще ничего нет...

– Включи проектор, – посоветовала Макс, – и осмотри окрестности.

– И что я там увижу?

– Ну, по ту сторону провала были гейзеры... Может, найдется что-то подходящее и здесь.

– Так ведь неизвестно, какой там газ. Скорее, просто пар, водяной пар, толку с него нет. И потом, в подземных полостях прячутся медузы. Ты плохо знаешь эти края, Знаток, я не хочу здесь снижаться. Ладно, заправлю в последний раз, долетим куда получится, а дальше поглядим.

Ставро с канистрой в руках шагнул к двери, но Макс повысила голос:

– Постой! Мне нужна капля бензина.

Женщина выпрямилась и приподняла артефакт. Турану показалось, что «яйцо» слегка подрагивает, хотя это могли дрожать ладони Знатока.

– Последняя канистра осталась, – возразил Ставро. – Я его в рубке держал как раз для подобной...

– Не дури, мне нужна всего одна капля. – Макс подняла голову, сдула со лба прядь волос. Глаза ее сверкали неподдельным энтузиазмом. – Белорус правильно сказал, здесь нет кнопок. Вы видели, какие руки у хозяев энергиона? Пальцы длинные, тонкие... Думаю, очень чувствительные. Они не нажимали на кнопки, а... они... Короче говоря, они на-

щупывали под внешним слоем материала, покрывающего их инструменты, управляющий центр. Понимаете? Как нервный узел под шкурой! Я-то искала кнопку, или рычажок, или...

– А ты лучше слушай старину Белоруса, – наставительно заметил Тим, – и не придется искать зря.

– Мне нужна капля бензина! – повторила Макс, поднимая «яйцо» над головой. – Вот сюда.

Вид у Знаток был такой решительный, а голос такой требовательный, что Ставро не стал больше спорить – подошел к женщине и склонился над ней, открывая канистру. Его широкая спина закрыла происходящее от Турана и Белоруса. Потом Ставро отступил, завинчивая крышку, и Туран увидел, что Макс сидит, запрокинув лицо, глаза ее закрыты, она морщит лоб и беззвучно шевелит губами.

В рубке стало тихо. Наконец Знаток ткнула пальцем в стену рубки и изрекла:

– Туда! И включи проектор!

– Сперва заправлю, – буркнул Ставридес. – А то движок заглохнет, пока ты будешь объяснять мне, что надумала.

Они с нетерпением ждали, пока Ставридес переливал свой последний запас в бак термоплана. Наконец он вернулся и аккуратно поставил проектор на пол посреди рубки.

– Эта штука совсем не похожа на то, что мы добыли в энергоне, – заметил бородач. – И действует как-то иначе.

– Никто не знает, побывал ли Паломник внутри, – напом-

нила Знаток, – во всяком случае, я не нашла такой информации. Подробностей он никогда не рассказывал. А вход был перекрыт, когда мы попробовали внутрь проникнуть, помнишь? Может проектор не имеет отношения к энергionу... Хотя какой теперь смысл гадать? Включай его.

Над проектором развернулся световой конус, проступили очертания безжизненных пустошей. Стоя на коленях, Ставро осторожно подкручивал кольцо, управляющее работой прибора.

– Что я должен искать?

– погоди... – Макс запрокинула голову и зажмурилась.

Лицо женщины вновь стало сосредоточенным, и она заговорила медленно, размеренно, будто гадалка. Туран вспомнил табор бродяг, проходивший мимо отцовской фермы незадолго до нападения банды атамана Макоты – Назар тогда дважды ходил расспросить разодетую в пестрое рванье женщину о своей судьбе, и Туран бегал с ним. У гадалки был такой же вид, как у Макс сейчас. Назар тогда остался доволен – должно быть, она не напророчила ему скорую смерть. То есть обманула...

– Это устройство... Оно отыскивает объекты как бы по образцу. Я случайно обнаружила, когда коснулась впадины на верхушке. Я порезалась, туда попало немного крови. И я увидела... Нет, это не зрение, но... Великая Пустошь, как сложно объяснить! В общем, это чужое устройство. Понимаете? Оно совсем чуждо нам. У того, кто им пользовался, бы-

ла гораздо более сильная восприимчивость.

– Что это еще за восприимчивость?.. – проворчал Белорус.

Ставро перебил его:

– А ты что ощутила, Макс?

– Кровь. Я ощутила кровь. То есть как бы увидела вас...

Кровь, наполняющую вас – очень отчетливо, как она струится в ваших телах, да и во мне тоже, и внутри того человека на корме. Потом стала различать животных внизу, под «Крафтом»... или это были люди? Мутанты? Они там, в пустыне, далеко, очень далеко, и еще я ощутила много разных... Очень трудно описать это ощущение!

– Макс, мне нужен бензин, – напомнил Ставро.

– Да, бензин.

Знаток словно вышла из транса: плечи поникли, огонь в глазах потух.

– Здесь рядом есть бензин. Не слишком много, и, по-моему, он остается на одном месте. Сейчас день, жара спадает, какой смысл торчать днем посреди пустыни? Я думаю, мы найдем брошенную машину. И, кажется, даже не одну. Посмотри, что покажет проектор в том направлении.

Кажется, Знаток удивилась не меньше других, когда в коническом луче проектора показался крошечный, будто игрушка, грузовик.

– Во, гляди! – обрадовался Белорус. – Точно, затопчи меня кабан, стоит прям посреди Донной пустыни грузовик! Бо-

рода, лети к нему давай! Эй, да он не один там... Что ж ты отключил, я еще не досмотрел, что там за холмами!

Ставро вернул управляющее проектором кольцо в исходное положение и пояснил:

– Я не знаю, на сколько включений его хватит. Чем он питается? Какой запас энергии? А грузовик мы уже увидели. Тур!

Туран встал с пилотского кресла, уступив место Ставридесу.

Усевшись, тот продолжал:

– Сейчас самое подходящее время рассказать об этом Крючке.

– Этот человек был в банде Макоты, – пояснил Туран. – Но он не с ними. Он помог нам, дрался с атаманом. И... короче говоря, он не враг.

– Это верно, – встрял Белорус, – когда мы там внутри с бандитами дрались, он на нашей стороне был.

– Хорошо, – кивнул Ставридес. – Он помог вам, но он – бандит?

– Да, хотя Крючок раньше не делал ничего плохого, – возразил Туран. – А теперь помог.

– Ну, хорошо. Мне не нравится, что на моем термоплане сначала появился этот рыжий, а потом какой-то бандит, но если он и правда помогал на энергионе... Значит, я не сброшу его вниз. Но что он за человек? Насколько можно ему доверять?

– Поговори лучше с самим Крючком, когда он придет в себя, – предложил Туран.

«Крафт» летел в указанную Максом сторону, и Туран сказал, что пойдет присмотреть за раненым. Белорус увязался следом, но вскоре ему надоело сидеть возле бледного неподвижного Крючка и рыжий снова ушел в рубку – там ему было интересней. А Туран сидел на полу рядом с койкой и разглядывал профиль раненого. Что за человек этот лопухий? Молчал всегда, жевал свою дурь... Что Туран знает о нем? Да ничего – ровным счетом ничего. И не может отвечать за него перед Ставридесом.

Крючок пошевелился под ремнями, притягивающими к койке, и прохрипел:

– Геда...

Туран привстал, заглядывая в его глаза – они оставались пустыми. Крючок видел не тесную кабину в корме гондолы «Крафта», а что-то совсем иное...

Глава 5

Макота разделся и встал перед покрытым трещинами зеркалом в салоне «Панча». Провел ладонями по гладкому материалу, похожему разом и на пластик и на легкий гибкий металл, коснулся тонких полосок, которые отходили от жилета по бокам и снизу, тянулись вдоль рук и ног, заканчиваясь мягкими кольцами, опоясывающими запястья и лодыжки. На кольцах, на полосках и на жилете были с десятков крошечных серебристых кружочков.

Откинув железный лючок на окошке, атаман выглянул. «Панч» стоял возле ржавого автобуса с гнилым плетеным настилом вместо крыши. Спущенные колеса на треть ушли в ил, сзади по углам кузова были вертикально приварены две железные бочки без крышек.

Волны тревожного багрового света накатывали со всех сторон, угасая и разгораясь – фигура стоящего возле кабины Дерюжки то погружалась в полутьму, то ярко озарялась, по иловой корке от нее протягивались в разные стороны сразу несколько теней. Макота выставил голову в окошко. Захар отвинчивал что-то в капоте, Стопор, стоя на подножке, подавал инструменты. Атаман выставил в окошко руку и постукивал кулаком по гибкой броне, закрывавшей машину почти целиком. С этим все прошло на удивление гладко – броня легко крепилась и к железу и к дереву, повторяя контуры и

«покатости», как выразился Дерюга, и почти не морщилась. А еще у нее обнаружилось полезное свойство стягиваться, словно у подсохшей шкуры ползуна – после того, как они закончили, гибкий металл так плотно облепил «Панч», что стал почти незаметен.

Захар несколько раз спрашивал, что еще атаман с Дерюгой притащили из разлома. Пришлось сказать про световую пилу, хотя о доспехе теперь, после смерти Малика, не знала ни одна живая душа, кроме самого атамана, и раскрывать эту тайну он пока что не собирался.

Макота вернулся к зеркалу и положил ладонь на плоский кругляш, едва выступающий из жилета под левой мышкой. Он уже определил, что кругляш можно поворачивать в три положения. Сейчас доспех был отключен, но если покрутить эту штуку вот так...

Раздался тихий щелчок, и доспех едва заметно мигнул. Макота ткнул пальцем себе в грудь, в бицепс, в брюхо... Каждый раз возникало тусклое световое пятно, быстро гаснущее. Он ударил кулаком – свет плеснулся ярче. И все равно сквозь рубаху его не видно будет, решил атаман. Но вот ежели пуля туда... А если ракета?

Отразит доспех выстрел ракетомета? Ведь не только у бандитов они есть. Ну, то есть такого, как на «Панче», больше нет ни у кого, но небольшими, ручными, владеют небоходы. Да и омеговцы, по словам покойного Малика.

Возникла шальная мысль: что если выйти наружу, встать

перед «Панчем» и приказать Захару в себя пальнуть? Нет, опасно и ракеты жалко, да и не хотел он показывать бандитам этот доспех. Никто о нем теперь не знает – пусть так и остается.

Атаман повернул кругляш во второе положение. И сощурился, когда в полутьме салона фигура его очертилась едва заметным зеленоватым свечением – вся, за исключением головы.

– Это оно теперь сильнее стало, что ли? – пробормотал он и опять стукнул себя кулаком в грудь. На этот раз вспышка была ярче, а светящийся силуэт в зеркале на миг подернулся рябью. Макота постучал костяшками пальцев по лбу – нет, башку доспех не защищал.

Он повернул кругляш в крайнее положение.

Силуэт в зеркале озарился бледным зеленым светом. Кокон сияния расширился, теперь он отстоял от поверхности тела примерно на длину указательного пальца, да к тому же накрыл всю фигуру, включая голову.

Макота снова попытался постучать себя по лбу и после нескольких попыток определил: если рука движется медленно, то не испытывает сопротивления, вернее, оно есть, но слабое – будто сунул кисть в густое машинное масло. То есть вроде вязнет в чем-то, но прикоснуться к себе он может. Но вот если двигать рукой быстро – сопротивление сразу усиливается. А когда он попытался с размаху хлопнуть себя ладонью по лбу, то будто по слегка подтаявшему воску ударил:

сначала световой кокон немного под рукой подался, но к голове атамана ее не подпустил. Зато обратно движение шло легко, кокон не пытался удержать ладонь внутри себя.

Макота бил и так и этак, а сияющая фигура в зеркале шла изумрудными волнами и вспышками. Наконец, вдоволь наравовавшись своей неуязвимости, он перевел кругляш в первое положение, чтобы доспех работал, но не светился, и стал одеваться.

В дверь поскреблись.

– Ну? – крикнул атаман, натягивая сапоги.

– Хозяин! – позвал Дерюжка. – Тут эта... Захар со Стопором просят...

– Чего просят?

– Ну, чтоб ты им эту... Оружие свое показал, которое из разлома притащил. Ты ж обещал.

– Обещал... – недовольно протянул атаман. – Ладно, щас выйду.

Он взял со столика похожую на большой кастет рукоять, подумал, что надо к ней приспособить ремешок и затягивать его на кисти, а «кастет» прятать в рукав, отпер дверь и вышел.

До рассвета было далеко. Захар и Стопор спрыгнули с кабины, когда появился атаман. Сидящий на корточках Дерюжка вскочил.

– Ну, что там? – спросил Макота, махнув рукой на капот с поднятой крышкой. – Чините?

– Чиним, – ответил Захар, неотрывно глядя на странную штуковину в руках хозяина. – До рассвета выехать сможем. Макота, что это у тебя?

– А вот. – Атаман протянул руку, и бандиты подошли ближе.

– Так это ж кастет, – удивился Дерюжка. – Большой только.

– Сам ты кастет! – оскорбился Макота и придавил рукоять. – Вот тебе кастет!

– Ай! – молодой отскочил, да и Стопор с Захаром отпрянули, когда из «кастета» вырос серебристый стержень с узкой продольной щелью, делящей его на две половинки.

ВЗЗЗИК! – на конце стержня вспыхнула ярко-синяя звездочка, а потом вокруг развернулся, пройдя сквозь прорезь в стержне, стремительно вращающийся световой круг. Он тихо-тихо свистел – звук был таким тонким, что от него смерзались позвонки в хребте и зубы начинали мелко вибрировать в деснах.

– Ох, ничего себе... – прошептал Дерюжка. В его широко раскрытых глазах мерцали два круглых синих огонька. – Эта... это чего, Макота?

Он протянул руку.

– Ты осторожнее, молодой, – усмехнулся атаман. – Лучше его не трогай.

– А что будет?

– Что будет... шас увидишь, что будет.

С этими словами атаман зашагал к автобусу, и бандиты как замороженные пошли за ним. Даже обычно равнодушный Захар казался удивленным.

Остановившись влоборота к древнему самоходу, Макота резко поднял руку, так что в воздухе позади световой пилы на мгновение повис широкий изогнутый след вроде тех, какие бывают, если ночью взмахнуть угольком или горячей самокруткой.

– Вот что будет! – Макота рубанул светопилой, как он про себя именовал теперь это оружие, по борту автобуса.

Синий круг пронзительно зазвенел и сделался красным. Заскрежетало, застонало железо, полетело ржавое крошево, струйки света ударили из-под пилы. Она врубилась в борт, прорезала его аж до оконного проема и пошла вниз, когда Макота присел.

– По-оберегись! – атаман отскочил.

Большой квадратный кусок борта выпал наружу и плашмя свалился на землю, подняв облако рыжей пыли.

– Вот что будет! – Макота отключил пилу. – Ясно вам? Чего вылупились, а?

Он победно ухмыльнулся.

– Хозяин... – благоговейно прошептал Дерюжка. – Макота! Да ты ж теперь... ты теперь непобедим!

– И неуязвим, – со значением добавил атаман, шагая обратно к «Панчу».

Туран несколько раз наведывался в рубку, но там ничего не менялось: Макс возилась с трофеями, Белорус крутился вокруг нее, лез с советами и мешал, а Ставро напряженно вглядывался в пустынный пейзаж, расстилавшийся перед «Крафтом». День подходил к концу, спустившееся к горизонту солнце заливало Донную пустыню красными лучами. Слежавшийся слой ила тоже покраснел под вечерним светом, тут и там посреди блеклой матовой поверхности поблескивали, будто зеркальца разной формы, куски гладкой породы. Попадались обломки техники, изуродованные так, что невозможно было определить, что это там ржавеет в пустыне, выбеленные жарким солнцем кости. Кое-где ветер шевелил пучки ломкой травы. Наконец Ставро привстал и негромко – будто боялся спугнуть удачу – объявил:

– Вот оно.

Макс, Тим и Туран встали за спиной бородача, разглядывая ржавый остов самохода, уткнувшийся в склон холма – такого же красного, как и окружающий пейзаж.

– А вон еще! И еще! – Белорус протянул руку над плечом Ставридеса.

За холмами виднелись другие угловатые силуэты, хотя пока еще невозможно было разглядеть, что это.

– Наверное, остатки каравана, – предположил Туран, при-

помнив, как дикари напали на колонну Макоты неподалеку от Корабля.

– Будем снижаться, – решил Ставро. – Осмотрим, если нужно, все машины. Там может найтись что-то помимо топлива.

– Вряд ли, – в голосе Белоруса не было обычного легкомыслия. Красная пустыня действовала угнетающе, даже разбитной бродяга ощутил на себе ее влияние. – По-моему, этот самоход уже давно здесь, там одна ржавчина, а если что и уцелело, так дикари растащили... Ладно, пора вооружаться.

Когда термоплан оказался над самоходом, Ставро покачал головой – для швартовки не годится, над машиной нависает холм, который будет мешать. Они провожали взглядом ржавый остов, покуда тот не исчез под брюхом гондолы. Ставро направил термоплан к искореженным останкам, где вверх торчала наполовину погруженная в иловую корку, изъеденная коррозией рама, за которую можно было легко закрепиться.

Туран приготовил крюк. После приключений, выпавших на долю «Крафта», лебедка расшаталась, но ветра нет – можно надеяться, что термоплан она удержит.

Ставро, дернув рычаг, отключил двигатель. Стало тихо. Туран бросил крюк – заскрежетал металл, термоплан качнулся, вздрогнул остов старой машины, по иловой корке побежали трещины. Казалось, ветхая железка внизу вот-вот рассыплется. «Крафт» качнуло, потом он стал медленно про-

ворачиваться вокруг кормы, где крепился трос. Ставро с Тураном принялись вращать лебедку. Газа в полостях осталось так мало, что «Крафт» легко, почти не оказывая сопротивления, заскользил к земле.

Макс оставили на «Крафте» приглядывать за раненым. Она полезла было спорить, но Ставридес настоял на своем. А Белорус шепнул Турану:

– Вот ей шанс, пусть причесочку поправит и вообще – в порядок себя приведет. При нас ей, может, неловко.

Туран промолчал, не зная, что ответить – ему эти разговоры о женщинах были непривычны, и он не был уверен, что может различить, когда Белорус говорит всерьез, а когда шутит. Наверное, рыжий и сам это не всегда понимал. Он усмехнулся, хлопнул Турана по плечу и полез вниз первым. Перебрался с гондолы на вросшую в ил ржавую конструкцию, спрыгнул на землю. За ним спустились Туран и Ставро. – погоди! – окликнул Тима бородач. – Опасно здесь, я пойду первым. – Не бойсь, борода! – Белорус подергал шнурок на шее. – У меня тоже кохар имеется. Ух, сколько я за него серебра отвалил... зато теперь могу без боязни здесь шагать. В небе я, может, и не очень-то бойкий, а вот на земле – ого-го, попробуй угонись... – Он завел глаза ко лбу, пошевелил губами и вдруг выдал:

Тим Белорус летит во мгле,
Средь птиц и облаков!

Но все же лучше на земле.
Земля для мужиков.

А баба – будто легкий птах,
Пускай вдали от бед
Она летает в облаках
И варит там обед!

Туран оглянулся – Макс, присев в дверном проеме, глядела им вслед. Заметив его взгляд, махнула рукой. Широкий рукав свитера сполз, до локтя открыв тонкую руку. В другой Макс держала «яйцо», словно даже ненадолго боялась выпустить артефакт из виду.

Черный «подъемник» Туран взял с собой, решив, что тот может понадобиться, если придется что-то перетаскивать. Хотя на самом деле ему просто не хотелось расставаться с устройством. Как будто оно было живым существом, зверем, которого человеку удалось приручить. Странными все же штуками пользовались хозяева энергиона – иногда Турану чудилось, что их инструменты живые.

Солнце опустилось совсем низко, тени вытянулись, пустыня стала темно-красной, будто залитой кровью. Путешественники, прихватив канистры, направились к угловатому силуэту брошенного самохода.

Едва отошли от «Крафта» на десяток шагов, как Белорус завел разговор со Ставро:

– Слушай, борода, хотя ты и грозился меня с термоплана

выбросить, но человек ты, будем говорить, порядочный, и вообще – ты мне по душе. Хочу тебе подарок сделать.

– Подарок? – удивился хозяин «Крафта».

– Ну да. От чистого сердца. Потому что ты человек хороший.

– Какой еще подарок? Что ты задумал?

– Почему сразу «задумал»? Не веришь ты в искренность людскую. Почему такой суровый? Ты же в небесах летаешь, ты должен быть как-то легче, что ли, душевней... Помнишь рулоны серебряной пленки? Я хочу тебе их подарить. Обтянешь ими «Крафт» – и пули не страшны. Летай себе, на голы народу поплевай. Красота!

– Те рулоны и так на «Крафте».

– Но ведь это я их принес, верно? Жизнью рисковал, в дыру лез! Вы же все за меня переживали, а? Боялись, что я не успею, я тоже, знаешь, как боялся! Но не бросал их, думал тогда: пусть борода «Крафт» свой починит и замотает в броню эту. Разве ж не дельная мысль, чтоб термоплан не боялся пуль? Ну скажи? И вот я с риском для жизни добыл такую полезную броневую эту... броню. Ну?

– Ладно, – пожал плечами Ставридес. – Подарок так подарок.

– Вот именно! Тебе, будем говорить, броня для «Крафта», парню нашему – штука эта, чтобы тяжести таскать, гравитационная, стало быть, пушка...

– Что? – не понял Туран. – Какая пушка?

Белорус махнул рукой.

– А, да это, я слышал, Макс так ее обозвала. Гравитация – это такая сила, которая всех нас к земле тянет, вниз. Ну а пушка – штуковина, которая эту самую гравитацию испускает. Выходит: гравитационная пушка, гравипушка. Так о чем я? Пушка эта – тебе, Тур, а Знатоку – что она там себе выбрала, та искательная штуковина. Как ее еще назвать... поисковик, о! Правильно, борода, я говорю? Вот мы все и распределили. И вот я еще что подумал: а ведь можно и древние машины так под землей найти, и золотишко, если припрятано, а? Как ни говори, Знатоку самая ценная часть добычи перепала. И заметь, я ничего не прошу для себя! Тим Белорус – открытая душа, все друзьям!

– Помолчи, – Ставро обернулся к Турану, который плелся позади. – Тур, держись поближе к нам и шагай след в след. У тебя нет кохара.

К самоходу приблизились очень осторожно. Ржавый кузов, распахнутая дверца кабины... Машина накренилась, переднее левое колесо вошло в ил до ступицы, резина разломачена и потрескалась, а под кузовом нанесло груды серой иловой пыли. Стоя здесь, машина пережила не один ураган.

Белорус, как и обещал, пошел первым. Встав на подножку, заглянул в кабину и поманил спутников.

Внутри на полу лежал скелет. Второй обнаружился в нескольких шагах по другую сторону самохода – этот был едва заметен под иловыми наносами. Человек пытался бе-

жать, а водитель оставался на месте, но смерть настигла обоих. Тим обошел машины, осмотрел кузов и покачал головой:

– Все сгнило, ничего интересного.

Потом нагнулся, заглянул под днище, постучал ногой по бензобаку – ржавый металл отозвался скрежетом.

– Пусто, – заключил Тим. – Железо прохудилось, бензин вытек давно.

– Идем дальше, – решил Ставро.

За самоходом виднелись еще две брошенные машины: завалившийся на бок сендер и ткнувшийся в склон холма грузовик. Он сохранился гораздо лучше – кажется, машина врезалась в склон не так уж и давно. В кабине было пусто, дверцы распахнуты.

– Рыжий, проверь бензобак, – сказал Ставро.

Вскоре раздался победный клич Белоруса – есть топливо!

– Осторожней там! – крикнул Ставридес. – Заткнись и назад погляди! Тур, ко мне!

Туран подбежал к Ставридесу. Иловая корка вспухала, шевелились округлые бугорки... три, четыре, пять... и еще... Белорус, заметив опасность, быстро отступал. Веселость его сразу улетучилась. Холмики пошли трещинами, осыпались плоские обломки – на поверхность лезли крабы. Один встряхнулся и побрел к Белорусу, неторопливо переставляя конечности. Небольшой, он не казался опасным, но следом выползали новые твари – и шли за вожаком, щелкая клешнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.